

Сычев К. В.
Роман Брянский
Серия «Судьба Брянского княжества», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17648901
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Первый исторический роман из серии «Судьба Брянского княжества». Книга повествует о событиях истории Руси XIII века, связанных с основанием и становлением Брянского княжества, о жизни и деятельности выдающегося полководца и государственного деятеля князя Романа Михайловича Брянского (1225–1290 гг.), его взаимоотношениях с другими русскими князьями, золотоордынскими ханами и Литвой. Автор описывает также другие русские княжества, быт людей той эпохи, приоткрывая занавес над многими тайнами истории и личной жизни своих героев.

Содержание

Книга 1	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	20
ГЛАВА 6	25
ГЛАВА 7	29
ГЛАВА 8	33
ГЛАВА 9	39
ГЛАВА 10	45
ГЛАВА 11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

К.В. Сычев
РОМАН БРЯНСКИЙ
Том первый

*Светлой памяти моего отца,
Сычева Владимира Васильевича,
посвящается*

Книга 1

ЮНОСТЬ РОМАНА БРЯНСКОГО

ГЛАВА 1

ГИБЕЛЬ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Морозным мартовским утром 1238 года лесник Ермила обходил ловушки, устроенные им накануне на звериных тропах недалеко от своей сторожки. Снегу навалило пропасть, и сугробы были огромные, но бывалый охотник без труда добрался на лыжах до Святого озера. Легко скользил он по сверкавшему снегу, радуясь редкостной для этого времени солнечной погоде.

На берегу озера Ермила опростал первый силок: в тенета попался большущий заяц-русак.

Прикончив напуганного косоного и уложив добычу на узкие охотничьи санки, которые он тащил на лямках через плечи, лесник развернулся, чтобы двинуться дальше к другой западне, но вдруг остановился и прислушался. С южной стороны, из залесья, где располагался большой город, накатывался какой-то неясный, но все возрастающий гул. Трудно было понять что это: слышались и треск, и грохот, и свистящий визг.

Ермила покачал головой, пожал плечами и быстро поехал вдоль берега озера. Собрав добычу – а почти во все силки попали крупные, жирные зайцы – он направился к сторожке, своему лесному домику, где его ждали жена, молодая розовощекая красавица Аграфена, и трое малолетних детей.

Увидев мужа с крыльца, сразу же, как только он въехал на опушку, Аграфена радостно вскрикнула: – Ермилушка, слава Господу, что ты так скоро вернулся! Мы тут очень напугались! Слышишь: идет какой-то шум со стороны Города?

– Вот потому-то я и пришел сюда так спешно, – поморщился от непонятного волнения ее муж. – На вот, вынимай: зайчишек вам притащил... Вот только переменю лыжи и сразу же махну проведать, что приключилось в Городе!

– Не ходи туда, Ермилушка! – схватила его за рукав Аграфена. – Душа моя чует беду: какая-то напасть нашла на наш славный город! Мой покойный дедушка, чур меня, сказывал, что когда была великая война с северским князем Святославом, осадившим тогда наш Вщиж, шум был слышен аж за сотню верст! Неужели снова война? – Тут она замолчала и повела носом: – Батюшки, вот и гарью потянуло?!

Действительно, юго-западный ветер донес до сторожки со стороны Вщижа не просто угарный дух, но запах небывалого пожара и смерти!

– Надо ехать, голубушка! – заторопился Ермила и, несмотря на протесты жены, ринулся к ближайшему сараю. – Здесь нельзя рассусоливать! Вот проведу, что там за дела, тогда и поговорим!

Молодой лесник быстро переоделся и снарядился в недалекий поход: город лежал всего в шести верстах от его дома.

По мере продвижения вперед запах гари и шум все усиливались.

– Что же я делаю?! – вдруг опомнился Ермила, проехав версты три и приблизившись к заснеженному лугу. – А если жестокие враги напали на наш славный Город? Так я приведу их по лыжне к своей сторожке?

Немного подумав, он несколько изменил направление своего пути, двинувшись к кустарнику, обильно росшему на берегу старого, замерзшего русла Десны – озера Бечино.

Со стороны города был виден густой черный дым, доносились пронзительные крики, визг, грохот, слившиеся вместе и напоминавшие жуткий, проникавший в душу, вой. Теперь уже было ясно: горит город, гибнут люди.

Мороз пробежал по коже лесника, но он не испугался, снял лыжи и спрятал их в кусты.

Спустив с плеч котомку, он извлек оттуда замысловатые сапоги собственного изобретения с подошвами, напоминавшими звериный след, и стал переодевать обувь. Валенки он спрятал рядом с лыжами.

Наконец, постояв и немного подумав, Ермила перекрестился и трижды произнес «Чур меня!», медленно, петляя, пошел по снежному простору в сторону города. Перейдя по заснеженному льду озеро и приблизившись к реке, лесник остановился. Шум уже стоял такой, что можно было оглохнуть! Горевший Вщиж был виден, как на ладони. Со всех его сторон валил густыми клубами дым. Видимо, враг уже овладел всем городом.

Деревянные домишки, раскиданные по берегу Десны, ярко пылали. Неожиданно за дубовой городской стеной раздался треск, и пламя охватило большой златоверхий княжеский терем. Как-то разом потускнела сверкавшая медная кровля: сначала покраснела, потом потемнела и приобрела голубовато-серый оттенок... Крики о помощи разносились повсюду. Одновременно слышались какие-то гортанные, хриплые звуки, напоминавшие жуткое карканье.

– Половцы! – осенило лесника. – Неужели до нас добрались?!

О половцах он слышал только рассказы древних стариков, да и те утверждали, что уж сто лет, как русские князья устроили их...

Дым шел верхом, но вокруг стоял душный и полупрозрачный туман. Снег посерел от насыпавшегося пепла. Ермила подошел к самой Десне и глянул на заснеженную реку. Грязный снег был истоптан множеством конских копыт без отпечатков привычных для русского глаза подков. Повсюду желтели пятна конской мочи и виднелись какие-то темно-красные полосы. Присмотревшись внимательнее, лесник вздрогнул: на льду во множестве лежали черные, раскинувшие руки трупы, от которых и тянулись кровавые следы.

– Так вот откуда нагрянули! – догадался Ермила. – Прошли по замерзшей реке! Да тут же тысячи вражьих следов!

Шум и вопли доносились теперь из деревянной крепости. Лесник слышал и какой-то непонятный его слуху стук, как будто что-то тяжелое глухо ударяло по камню. При этом величественная, одноглавая, златокупольная церковь с каждым ударом качалась и вздрагивала. Внезапно раздался грохот, слившийся с ужасным, звериным воплем, хрустом и скрежетом, и святой храм рухнул, как подкошенный. Ермиле показалось, что зашаталась земля. От страха он упал на колени и скрылся в зарослях кустарника. В этот же миг запылали деревянные стены: дубовые бревна, дымившиеся и кипевшие пеной, вдруг, как по команде, словно утонули в ярко-красном пламени. Шум в городе стал постепенно стихать и сменяться свистом и треском пожарища. Небо потемнело, и солнце, едва пробиваясь сквозь черный дым, напоминало зловещую и тревожную луну, словно осуждавшую кровопролитие.

Вдруг напротив куста, где сидел оцепеневший от ужаса и отчаяния лесник, у ручья, впадавшего в Десну, промелькнуло что-то белое. Это выбежали из города к реке две женщины, одетые в простые домотканые сарафаны. Озираясь по сторонам, отчаянно размахивая руками, они побежали по льду, намереваясь пересечь реку. Но им не удалось достичь и середины Десны, как из-за поворота со стороны моста неожиданно выскочили трое всадников. Женщины пронзительно закричали. Передний конник, поднявшись в седле, с силой метнул аркан. Одна из беглянок сразу же упала: петля захлестнула ей шею. Другая же продолжала бежать и уже была близка к спасительным кустам, когда раздался свист стрелы, и вторая жертва рухнула на лед реки, обливаясь кровью. Всадники засмеялись каким-то необычным, булькающим смехом, и подскакали к запутавшейся в аркане женщине. Она

встала на ноги и закрыла лицо руками. Владелец аркана что-то ей прокричал и показал рукой на мост. Женщина поняла и пошла за всадниками. Те в полном молчании поехали впереди, таща свою жертву за веревку.

Глядя на это злодейство, Ермила скрежетал зубами, но сделать ничего не мог. Со слезами от удушливого дыма, который валил от горевших стен крепости, и от собственного бессилия, он медленно пополз к лежавшей невдалеке от него женщине. Та была мертва: из шеи несчастной торчала большая оперенная стрела. Перевернув труп, лесник бросил тревожный взгляд на искаженное предсмертной мукой и страхом лицо. Оно оказалось незнакомым. При виде убитой Ермила, расстроенный и дрожавший, неожиданно успокоился и огляделся. Дым пошел низом и скрыл от него город и таинственных врагов. Пора было уходить. Ермила в последний раз глянул на труп и остолбенел: наконечник стрелы, торчавший из шеи убитой, был совсем необычный – тупой, трапециевидный. Такого он еще никогда не видел! Лесник осторожно сломал древко, взял в руку наконечник, покачал головой и спрятал его в карман. После этого он попытался, отполз к кустам и медленно поплелся через заснеженный луг к тому месту, где оставил валенки и лыжи.

Всю дорогу перед его глазами стояли чужеземные всадники. Их вид был страшным, необычным. Казалось, что враги прибыли из какого-то таинственного, неведомого мира. На их головах были надеты то ли треухи, то ли колпаки из звериной шерсти, напоминавшей рысью. За спиной у каждого висели колчан со стрелами и большой лук, а на поясе болтались то ли мечи, то ли длинные, кривые ножи. Из вытянутых рук торчали длинные пики с пучком конских волос у острия.

Лица врагов Ермила видел плохо, но заметил, что они были плоские с раскосыми глазами. Да и лошади у них были совсем другие: низкорослые, головастые...

– Какие-то чудные половцы, – заключил лесник, приближаясь к родимой сторожке. – Старики нам ничего подобного о них не говорили...

– Ну, что, батюшка?! – кинулась к нему прямо с крыльца раскрасневшаяся от волнения жена. – Что же там случилось в Городе?

– Нет больше Города, Аграфенушка! Половцы..., – пробормотал Ермила и заплакал: все ужасы, увиденные им на реке, снова встали перед глазами.

Отчаянно заголосила ему вслед жена, закричали перепуганные дети. Это отрезвило лесника.

– Успокойся, женушка, некогда плакать! Собирайся: одевай детей и тащи припасы. Уезжаем подальше без промедления! – приказал он. – Покойников не воротишь, а себя спасти надо!

И часа не прошло, как удобные, вместительные сани, запряженные двумя сытыми лошадьми, уносили семью свидетеля жестокого вщижского погрома и их нехитрый скарб в сторону сельца Брянска – усадьбы черниговского князя Михаила.

ГЛАВА 2 КАК ЭТО БЫЛО

Два больших конных тумена монголов уверенно следовали на юго-запад. Во главе передового – самого прославленного и поредевшего в боях – стоял молодой, но знаменитый военачальник Урянх-Кадан. Второй, почти полностью сохранивший свой состав, вел не менее известный, но более расчетливый и осторожный Бури. Оба полководца со своими войсками не сходили с коней уже сутки: их набег по снежным русским просторам пока не принес никаких весомых результатов. Степным воинам удалось разграбить и сжечь лишь несколько небольших сел и погостов. Но укрытые непроходимыми лесами деревеньки спаслись: монголы избегали чащоб, испытывая суеверный страх перед могучими деревьями, считая их живыми существами, способными причинить вред незванным гостям.

Дальний набег был совершен сразу же после разгрома войска русского князя Юрия Всеволодовича 4 марта 1238 года на реке Сити. После этой победы уже ничто не сдерживало врагов: русские земли оказались беззащитными, неспособными к сопротивлению. Степные хищники задолго опередили молву о страшном разгроме Рязанского и Владимиро-Суздальского княжеств, поэтому никто и не ждал их на обширном пространстве чернигово-северских земель. Лишь суровая русская зима мешала беспощадным врагам. И особенно снег. Морозов монголы не боялись: жестокие холода были им привычны и в родных степях. А вот сугробы были настоящим бедствием! Приходилось долго обходить снежные заносы, искать еле проходимые тропы, утомляя часто проваливавшихся в глубокие ямы коней. Конечно, если на пути воинства встречались реки, то по заснеженному льду захватчики передвигались быстрее. Но, к неудаче, им попадались лишь небольшие ручейки или озера, поэтому всадники постоянно плутали по бескрайним просторам, проклиная в душе своих военачальников, устроивших этот набег.

Урянх-Кадан со своими войсками проскакал верст на пять вперед от отряда Бури. Он ехал в самой середине тумена и почти не испытывал тех трудностей, которые выпали простым воинам, утопавшим в снегу. Слегка покачиваясь в седле, полководец дремал, вспоминая свою родную Монголию. Неожиданно к нему подскочил связной разведывательного отряда.

– Мой славный полководец! – крикнул он и разбудил темника. – Отважный Эргэ-нойон говорит: он увидел неподалеку от нас реку!

– Так! – буркнул Урянх-Кадан. – Это – добрый знак: где-то поблизости урусы! Надо готовиться к бою!

Немедленно во все концы отряда и к темнику Бури были направлены гонцы. Затем Урянх-Кадан, остановив движение своего войска, подзвал через вестового командиров каждой тысячи. После короткого совещания он отослал их в свои подразделения для беседы с сотниками и десятниками. Вскоре подъехал и посланец от Бури. Тот сообщил, что обнаружил в шести верстах от ближнего леса большую дорогу, достаточно хорошо утопанную и ведущую, судя по всему, к какому-то крупному поселению.

Выслушав гонца, Урянх-Кадан приказал передать Бури, что сам вышел к реке и выслал вперед разведку.

Рассвело. Черное звездное небо в мгновение посерело, порозовело и, наконец, стало прозрачно-синим, жадно впитывая яркие солнечные лучи. Снег засветился, засверкал тысячами и миллионами искорок, вселяя в сердца жестоких степных воинов бодрость, веселье и жажду предстоявшей охоты. Конница монголов помчалась по присыпанному снегом льду Десны, закалившемуся во время жестоких морозов, как по удобной проезжей дороге. Воины

рвались в бой, спешили, однако прошел час, другой, третий, а перед усталыми конями все еще маячили необъятные снежные просторы с необитаемыми лугами и синевшими с обеих сторон реки лесами. Степные хищники несколько приуныли и стали постепенно впадать в полусонное, апатичное состояние. Они медленно покачивались в седлах, покорно следуя за своими боевыми товарищами.

Вдруг возникло оживление: из разведки возвратился посланный еще на рассвете летучий отряд. Воины, не прекращая движения, слегка расступились, пропустив посланцев к полководцу. Урянх-Кадан внимательно выслушал донесение. Итак, его предположение подтвердилось! Впереди лежал большой цветущий город, жители которого и не подозревали о приближении врага.

Темник прищурился, улыбнувшись своей хищной, волчьей улыбкой. Ну, вот! Наконец-то далекий путь монгольских воинов будет оправдан: здесь наверняка есть, чем поживиться!

После очередного быстрого совещания с командирами Урянх-Кадан отправил гонца к Бури с подробным сообщением о противнике и своем плане действий, предлагая тому внезапно атаковать город со стороны лесостепи, в то время как он сам обрушится на беспечных русских со стороны реки.

Ответ Бури пришел очень быстро: план молодого полководца одобрен!

В воскресный солнечный день жители Вщижа занимались своими обычными делами. Самые достойные из них пребывали в церкви – большом каменном храме, построенном еще в прошлом веке греческими умельцами по заказу покойного, умершего бездетным, удельного князя Святослава Владимировича. Вел службу священник Прокопий, грек, приглашенный в город нынешним князем Олегом. На хорах стояла княгиня Мария со своими служанками, внизу толпились видные люди города: купцы, ремесленники, старшие дружинники.

Старый бездетный князь Олег остался дома по нездоровью. Он лежал на широкой теплой постели в большой спальне своего златоверхого терема и грезил. Князю вспоминалось далекое детство, молодой и красивый отец, нежная и ласковая мать...

Вдруг он проснулся. Со стороны теремного двора доносился быстро приближавшийся конский топот, сначала напоминавший сильный дождь, но постепенно превратившийся в цокот множества копыт. Внезапно раздался чей-то отчаянный, дикий вопль, и в одно мгновение княжеский терем буквально затрясся от ужасного шума, какой издают многие тысячи людей, закричав едва ли не одновременно. Князь вздрогнул, с усилием приподнялся и стал медленно слезать на пол. С большим трудом он доковылял до окна и раздвинул ставни: в глаза ударил солнечный свет, в потоках которого по всему двору метались растерянные люди, преследуемые вооруженными всадниками.

– Неужели это сон?! – подумал князь Олег и ущипнул себя за щеку. Но это был не сон. С треском ворвалась в окно большая оперенная стрела, рассыпая вокруг себя снопы искр и едва не задев ему голову. Ударившись в стену, стрела воткнулась в податливое дерево и, ярко вспыхнув, подожгла окрашенные бревна. Князь не успел опомниться, как вся его спальня запылала и наполнилась удушливым дымом.

– Вот и смерть моя наступила! – подумал он и склонил свое измученное болезнями тело в сторону иконостаса, невидимого из-за пожара. Некому было помочь последнему удельному владыке: в тереме не было ни души! Стоя на коленях, князь Олег громко и истово молился. Постепенно его голос затихал: подошла беспощадная смерть от угарного удушья...

В мгновение ока город был захвачен врагами и подожжен. Несчастные жители даже не успели опомниться, как были почти поголовно перебиты. Даже детей степные хищники умерщвляли с невероятной жестокостью, словно избавляясь от свидетелей своих злодейств. Снег по всему городу почернел и покраснел от крови.

Часть вщижан попытались спастись в ближайшем лесу на пути к княжеской усадьбе-пасеке. Но когда они выбежали на опушку, где стоял дом пасечника, управлявшего здешним княжеским хозяйством, их со всех сторон окружили монгольские всадники. Они не щадили никого. Вопли и стоны умирающих были слышны за несколько верст. Кровавую лужайку так и назвали потом «Рудня» в память о безжалостной массовой резне.

В это же время захватчики, овладев всей городской крепостью, окружили каменную церковь и попытались ворваться в нее. Но прихожане накрепко затворили железные ворота и решили не сдавать свой последний оплот.

Священник и дьякон в праздничных ризах продолжали торжественное воскресное богослужение.

– Молитесь, мои дети, – спокойным уверенным басом промолвил отец Прокопий. – С нами Господь! Да услышит Он наши молитвы и воздаст нам!

– Господи, помилуй! – троекратно пропел церковный хор, и прихожане стали громко славить Бога, вымаливая спасение от неведомых, ужасных врагов.

Монголы подкатили к церкви особые осадные тараны, которые они везли на всякий случай с собой. С первых же ударов церковь закачалась и дрогнула, обдав нападавших кирпичной пылью и камнепадом. Враги настойчиво продолжали сокрушать прекрасное здание. Они еще больше ожесточились, услышав пение молившихся в храме. Наконец, после особенно сильного удара, церковь покосилась и с шумом рухнула, задавив своими сводами всех, кто находился внутри. Пострадали и захватчики. Каменные балки обрушились и на стенобитные машины, придавив своей тяжестью около двух десятков монголов! Их товарищи, услышав шум и вопли, кинулись расчищать завал, но помочь не смогли ничем: из-под обломков боевых таранов удалось извлечь только одни трупы. Их сложили на открытую повозку и отправили к усадьбе-пасеке покойного князя, где в большом доме управляющего расположились главари монгольского войска.

Уничтожив всех, кто мог оказать сопротивление, степные воины разбрелись по всему городу. Одни обирали и грабили трупы, другие поджигали уцелевшие дома и постройки, подливали горючую смесь на бревенчатые стены крепости. Особый отряд воинов с большими глиняными горшками обходил разбросанные по всем улицам трупы. Монголы вскрывали брюшину покойников и извлекали оттуда белый нутряной жир – их знаменитое горючее зелье! В плен были захвачены только женщины. Из них отобрали два десятка самых молодых и красивых и повели к лесной княжеской усадьбе. Остальных же на глазах уводимых безжалостно перебили своими кривыми мечами, побросав трупы в пропитавшийся пеплом и кровью снег. Напуганные женщины, крепко связанные монгольскими веревками, быстро следовали за всадниками, тащившими их своими длинными волосяными арканами.

Среди несчастных, плакавших, потерявших всякую надежду на спасение вщижанок, шла и молодая красивая купчиха Василиса, муж и сыновья которой были в отъезде на далекой чужбине. Она всячески подбадривала отчаявшихся баб, стараясь их успокоить.

– Не плачьте бабоньки, – говорила она. – С нами Господь, если мы еще не испили из смертной чаши!

– Куда же волокут нас эти лютые враги? – спросила ее, размазывая слезы на грязном лице, белокурая четырнадцатилетняя красавица Влада, невеста княжеского управляющего пасекой.

– Не знаю, – ответила Василиса, – наверное, в свой плен. Но помолимся Господу, чтобы отвратил от нас жестокую напасть!

Наконец конвоиры подвели измученных пленниц к крыльцу усадебного дома. Здесь они оставили их ненадолго под охраной здоровенных, зверского вида воинов, а сами отправились на дележ награбленного добра.

В большой просторной избе за столом сидели монгольские полководцы и слушали отчет своего «денежника» – китайца Цзян Сяоцына. Тот быстро перелистывал пергаментные страницы толстой книги, исписанной мелкими иероглифами.

– Серебра...четыре мешка, да меди...пятнадцать мешков..., – он остановился и посмотрел на военачальников. – А вот куда же девать этот мелкий хлам? – Китаец опустил руку, достал из-под скамьи мешочек и высыпал на стол целую кучу розовато-серых шиферных пряслиц. Из другого же мешка он извлек грудку стеклянных браслетов и показал их темникам.

– Что это такое? – спросил Урянх-Кадан.

– Судя по словам этих бестолковых урусов, это – их мелкие деньги! – улыбнулся «денежник».

– На кой шайтан они нам? – пробормотал Бури. – Выбрось этот мусор подальше!

– Подожди-ка, – остановил его Урянх-Кадан. – Заберем стекляшки: еще пригодятся. Но кругляки эти никому не нужны!

– Ну, что ж, – усмехнулся ученый китаец, – тогда я вычеркиваю этот мусор из свитков денежной книги!

– Вычеркивай! – кивнул головой Бури и засмеялся. – Хватит нам тут белого серебра и красной меди!

И довольные полководцы, похлопав по плечу своего финансиста и вызвав охрану, отправили его с захваченным добром в обоз.

Вдруг за окнами раздались громкие женские голоса, плач и причитания.

– О, славное дело! – обрадовался Бури. – Молодцы наши верные воины: добыли нам на потеху баб-урусок!

Он засмеялся и вышел на крыльцо. Урянх-Кадан остался сидеть на скамье и о чем-то напряженно думал.

– Эй, вы! – крикнул Бури стоявшим около связанных женщин охранникам. – Ведите-ка, молодцы, сюда этих красоток! – Он указал ладонью правой руки на жену убитого гончара Руту, стоящую в обнимку с тринадцатилетней дочерью, и, возвращаясь назад в избу, добавил. – Да кликните-ка сюда всех начальников тысяч и сотен!

Как только все военачальники собрались в усадебном доме, темники приступили к своему излюбленному и обязательному после взятия каждого крупного населенного пункта обряду: общему надругательству над пленными женщинами. Сначала сами Урянх-Кадан и Бури при всех, прямо на столе, под восхищенные крики своих подчиненных жестоко изнасиловали мать и дочь, а затем таким же образом поступили и тысячники. Когда же оскверненные и замученные женщины потеряли сознание, верные рабы, крепко державшие их за руки и ноги, раскачав, бросили бездыханные тела в угол, а сами отправились за другими жертвами. Постепенно на смену военачальникам подходили все новые и новые монгольские воины, попеременно насилуя несчастных вщижанок.

Груда сваленных друг на друга обнаженных тел все росла... А на улице выстроилась целая очередь желавших проявить свою мужскую силу злодеев.

Неожиданно дверь в избу широко распахнулась, и в светлицу, растолкав толпу, ворвался не по-монгольски высокий и стройный воин, одетый в необычно богатый тулуп из хорошо выделанной и раскрашенной коричневой краской овчины. Он с достоинством подошел к столу и, не глядя на лежавших беспомощных жертв оргии, слегка поклонился отдышавшим полусонным темникам.

– Мир тебе и слава, Болху-Тучигэн! – крикнули те в один голос и подскочили со скамьи. – Жизнь, процветание и власть повелителю сотен туменов!

– К счастью своих рабов, великий полководец жив и здоров! – усмехнулся посланец Бату, глянув на стол: здоровенный монгол, напуганный властным видом нежданного гостя,

стоял в растерянности без штанов у ног своей жертвы, являя собой жалкий и беспомощный вид...

Вся изба задрожала от громкого и хриплого хохота. В углу зашевелились очнувшиеся несчастные.

– Ладно. Теперь к делу! – произнес, уняв смех, гонец. – Вот вам приказ непобедимого повелителя: нынче же, без промедления, идти на север! Ни одного полета птицы на задержку! Следуйте за мной!

– Повиновение и молчание! – крикнул Урях-Кадан.

Все монголы, кроме главных военачальников, встали и выбежали на улицу. Уже с крыльца зазвучал призывный сигнал походного рожка, и, как по мановению волшебной палочки, конные воины построились в правильные колонны.

– Что же делать с этими бабами? – указал рукой на копошившихся женщин Бури.

– Я сам о них позабочусь! – бросил в ответ Урях-Кадан. – Иди же на общий сход!

По приказу своего темника монголы загнали остальных, не подвергшихся насилию женщин, в избу, а вслед за ними туда же занесли и трупы погибших при падении церкви воинов. Дверь избы наглухо заколотили большими деревянными брусками.

– Принесем же жертву священную душам наших братьев! – прокричал Урях-Кадан и первым бросил зажженный факел в солому, которой обложили весь дом.

– Слава павшим за величие нашего повелителя!!! – закричали стоявшие вокруг всадники и стали швырять в избу горящие дротики.

В мгновение ока усадьба ярко запылала, источая едкий дым и освещая быстро опустевшую лесную поляну. Две длинные черные колонны из степных хищников быстро продвигались на север в сторону города Козельска на соединение с основными силами Бату.

ГЛАВА 3 В СТОЛЬНОМ ЧЕРНИГОВЕ

Княжич Роман сидел в своей светлице за большим дубовым столом и писал. Ох, и много же задал ему на этот раз ученый грек Феофан! Нужно было подробно изложить содержание прочитанных десяти страниц греческого «Номоканона»! А саму книгу учитель унес с собой... Будто неясно, что написать по памяти на русском языке греческие премудрости не так просто!

Но будущий князь не только в силах справиться с этой задачей, но и обязан! Так сказал иноземный наставник. Спорить бесполезно! Учебу благословил отец Романа – великий черниговский князь Михаил, которому заморский учитель обходился недешево.

Роман пытался протестовать, спорил с отцом: ведь ему уже скоро тринадцать! Старший всего на два года брат Ростислав уже ходит в военные походы! Его даже в шестилетнем возрасте отец оставлял княжить за себя в Великом Новгороде! Да и ныне батюшка ушел с братцем Ростиславом в Галич, а Чернигов доверил своему двоюродному брату Мстиславу Глебовичу!

Княжич отложил в сторону гусиное перо и задумался...

В памяти всплыли события недалекого детства – лето 1229 года в Великом Новгороде. Ярко горят свечи в молитвенном зале собора святой Софии. Светло как днем. Пахнет ладаном и горячим воском. Лики святых сурово и укоризненно смотрят на людей. Сверху с хоров тянется громкое, торжественное, ангельское пение во славу Господа. Храм битком набит людьми, душно, хочется пить... Вот откуда-то сверху спускаются и подходят к княгине Агафье, державшей за руку четырехлетнего княжича Романа, отец Михаил Всеволодович со старшим сыном Ростиславом.

– Иди, сынок, тяни жребий..., – говорит в мгновенно установившейся тишине торжественным басом князь Михаил.

– Возьми вон там, в алтаре, в белой серебряной чаше, два свитка, сынок, – уточняет мать. – Смотри, вытащи только два, один должен остаться...

К ним подходит высокий длиннородый монах, берет кудрявого, белокурого Ростислава за руку и ведет к алтарю... Вот мальчик опускает руку в чашу, нащупывает там какие-то плотные трубки и быстро достает две из них. Какое разочарование: всего-навсего свернутые в рулон бумажки!

Монах на глазах у всех выхватывает их и несет к князю Михаилу. В это время хор вновь затягивает торжественную церковную песнь, а княгиня-мать обнимает и целует растерянных Романа и Ростислава. В алтарь с величественным видом входит одетый в роскошные золотые ризы священник. Он поднимает серебряную чашу и несет ее над головой. Князь и знатные люди города с нетерпением ждут. Остановившись перед ними, священник, троекратно перекрестившись, извлекает из сосуда свернутый и перевязанный красной лентой пергамент.

– Во имя отца, сына и святого духа... аминь! – громко произносит в полной тишине, как бы пропев, батюшка. – Новым владыкой Господина Великого Новгорода избирается наш глубокочтимый и преданный Господу отец Спиридон... дьякон!

Радостная улыбка освещает лицо князя Михаила Всеволодовича: как бы смягчаются суровые черты, исчезают морщинки со лба и отец становится другим... Смеется довольный братец Ростислав, трижды крестится мать. Молча, без признаков волнения, стоят в углу монахи, попы, «лучшие люди». Вновь запеваet хор, из толпы выходит вперед на всеобщее

обозрение одетый в праздничные ризы новый архиепископ Великого Новгорода и всем низко кланяется...

Острый запах ладана и чего-то сладкого, таинственного ударил в ноздри Романа. Что-то теплое коснулось его щеки. Матушка! Перед ним стояла княгиня Агафья, высокая, стройная, голубоглазая. Дочь волынского князя Романа Мстиславовича, она впитала в себя всю красоту и прелесть своих родителей в сочетании с силой, строгостью, необычайной женственностью и добротой, свойственной русской матери.

– Заснул, мой сладкий! – проворковала княгиня, глядя кудрявого мальчика по головке. – Вижу, что забавно тебе все это, – лукаво улыбнулась она и прижала его к себе. – Старайся же, милый мой отрок, не гневить батюшку... Знания за плечами не носить!

– Ох, как же утомила меня эта муть, маменька! – нахмурился, готовясь заплакать, княжич. – Зачем мне эти греческие свитки? Вот, смотри, Ростислав с батюшкой побывали в Киеве и Галиче! Говорят, что они уже не раз сражались в Галичине! Только я тут один сижу за ерундой!

– Это не так, дитя мое жалкое! Не думай, что напрасно батюшка принуждает тебя к учебе. Вот чему учит этот свиток..., – княгиня взяла в руки увесистый рулон. – Как надо домом да уделом управлять. Если будешь умело держать в своих руках семью, значит, и с княжеским уделом справишься! Тут обязательно нужна грамота! Не сможешь этому научиться – жизнь пойдет не так, как надо! От князей нужны не только ратные подвиги... Нужно уметь управлять своими людьми! Вот, к примеру, «Поучение» князя Владимира Мономаха... Там сказано...

Вдруг хлопнула дверь, и в светлицу вбежал княжеский дворецкий. Пожилой, широкоплечий, грузный, с огромной рыжей бородой, он проявил неожиданное проворство и поясно поклонился княгине.

– Княгиня-матушка! – громко крикнул он. – Прибыл какой-то поп, говорит, будто из-под Владимира! Страшен он своим диким видом, ведет безумные речи! Уж не знаю, как тебе об этом рассказать!

– Успокойся, Федор, – молвила с невозмутимым видом княгиня, скрывая тревогу. – Пойдем же к тому темному гостю и узнаем о его жалкой нужде.

Роман почувствовал какое-то непонятное волнение и устремился вслед за ними.

Они спустились по лестнице вниз в большой зал, где на скамье у входа, охраняемого двумя преданными слугами, сидел укутанный в суконный армяк сгорбленный старик. Увидев княгиню, странник встал и обнажил свою облысевшую седую голову.

– Отец Василий! – громко, пронзительно крикнула княгиня Агафья и бросилась к неожиданному гостю. Обняв ее, старик отстранился и заплакал.

– Что с моей падчерицей, батюшка?! – еле проговорила, дрожа от волнения, напуганная женщина.

– Марьюшка жива, княгинюшка, – пробормотал священник. – А вот ее супруг, славный князь Василий Константиныч и великий князь Юрий Всеволодыч...

– Неужели умерли?!

– Да... умерли... Жестоко убиты!..

– Как..., – Агафья ухватила за скамью, перед ее глазами все поплыло, потемнело...

Слуги бросились к госпоже, удержали ее от падения, усадили. Федор побежал за водой.

Когда все немного успокоились, отец Василий начал свое медленное, сбивчивое повествование.

Добирался он до Чернигова почти целую неделю «с трудом превеликим» – по заснеженным тропам, через леса и болота. Сначала ехали на телеге втроем. Однако, не пройдя и половины пути, лошадь так утомилась, что пришлось ее вместе с возчиком оставить в одном лесном монастыре. После этого уже передвигались пешком вдвоем до Рыльска, а

оттуда он шел один: заболел попутчик и остался в городе. Сколько бед пришлось претерпеть в дороге, холод, голод! А все случилось из-за нашествия неведомого иноземного воинства на восточную Русь. Одни называли врагов монголами, другие – татарами... Но дело не в названии... Враги пришли несметными полчищами, сначала разорили рязанскую землю, а затем взялись и за владими́ро-суздальскую. Когда рязанцы прислали к Юрию Всеволодовичу своих людей с просьбой о помощи, великий владимирский князь даже не стал их слушать. Страшные степные захватчики окружили и сожгли Переяславль-Рязанский, а потом пошли грабить и жечь все русские земли.

Запылала и владимирские города.

Опомнившись, князь Юрий стал поспешно, лихорадочно собирать войско для отпора. Один из конных отрядов великого князя возглавил его племянник – ростовский князь Василий Константинович, муж Марии, дочери князя Михаила Черниговского. Но было уже поздно.

Накануне злополучной битвы княгиня Мария и отец Василий, ее наставник с детства, вместе с малыми детьми укрылись у ростовского епископа Кирилла под Белоозером в небольшом лесном монастыре.

5 марта в их убежище прибежали отправленные на разведку монахи и сообщили, что татары разбили войско князя Юрия, перебили всех русских воинов и лишь немногих взяли в плен. Епископ Кирилл, бросив свое убежище и презрев страх, сразу же выехал со своими людьми на двух повозках к месту кровавой битвы. Там, среди множества трупов, им удалось отыскать изуродованное, обезглавленное тело великого князя... Да и то только благодаря княжескому одеянию, какое почему-то не сняли жестоко обобравшие остальных покойников поганые.

Останки несчастного Юрия Всеволодовича доставили в ростовский храм Богоматери. А на другой день туда же привезли и тело князя Василия Константиновича, найденное сыном одного сельского священника в Шеренском лесу.

Как потом рассказали, израненный ростовский князь попал в плен к татарам и был притащен на аркане к их военачальнику Бурундаю. Тот, восхищенный мужеством удалого воина, предложил ему служить новому господину – татарскому царю. Но князь Василий с гневом и возмущением отверг предложение врага и был сразу же беспощадно убит...

Вдовствующая княгиня Мария, епископ и народ со слезами встретили останки отважного воина. Тела Василия Константиновича и Юрия Всеволодовича поместили в одном гробу и торжественно похоронили. Накануне похорон отец Василий и был послан своей воспитанницей Марией к отцу и мачехе в Чернигов...

Когда усталый гость закончил свое повествование, в тереме стало тихо. Но стоило лишь княгине Агафье вздохнуть и всхлипнуть, как покои княжеского дома охватили плач, стоны и стенания. Со всех сторон сбежались слуги, горничные девушки и стали каждый по своему выражать свое сочувствие семье князя.

В это время со стороны улицы послышались стук и топот копыт, входная дверь распахнулась, и в терем вошел запыхавшийся княжеский телохранитель.

– Князь Мстислав Глебыч вернулся с охоты! – громко выкрикнул он.

– Так пусть же идет сюда, – сказала, вытирая слезы, Агафья Романовна, – и посылает человека к моему супругу в Галич. Авось вернется мой Михайлушка, наш надежный защитник!

ГЛАВА 4 В КНЯЖЕСКОЙ УСАДЬБЕ

Лесник Ермила гнал лошадей что есть мочи. Сперва по заснеженной просеке, какую сам прорубал в густой чащобе с помощью слуг князя Олега. Последний удельный князь Вщижа был скуп и рачителен, требовал от людей бережливого отношения к лесу, который и кормил, и поил вщижан. Для наблюдения за порядком в лесу князь сам иногда выезжал на места, поэтому он позаботился о лесных просеках, которые были одновременно и удобными для проезда в телеге дорогами. Вот благодаря такой княжеской заботливости и сумел лесник со своей семьей незаметно для врага проехать через лес до деснинских лугов.

Как только Ермила добрался до болотистой местности, где дорога поворачивала к Десне, он сбавил скорость, ослабив вожжи, и стал пристально вглядываться в снежную даль. Нигде не было видно ни души: местность хорошо просматривалась. Лошади спокойно шли вперед, несмотря на снежные заносы. Привычные к поездкам лесника в любую погоду, они как бы понимали, что хозяин их не подведет. Наконец, беглецы вплотную подъехали к Десне. Лесник остановил лошадей, вышел из повозки и приблизился к заснеженному льду реки. На снегу виднелись только заячьи и волчьи следы. А ведь снег выпадал в последний раз вчера утром! Значит, проклятые кочевники еще не прошли по этой дороге! Ермила перекрестился и глянул в сторону родного Вщижа. Верстах в десяти от него в северо-восточном направлении ползла снизу вверх огромная черная дымовая туча.

Вернувшись к повозке, лесник уселся на свое место и натянул вожжи: лошади быстро пошли по речному берегу.

– Ну, что там, батюшка? – спросила его Аграфена. – Не видно врагов или какой угрозы?

– Только клубится далекий дым, Аграфенушка, но вражьих следов на снегу нет. Нужно погонять лошадей, пока я не въеду на лед.

Они двинулись дальше в полной тишине. Дети, укутанные теплыми платками, мрачно молчали, прижавшись к матери.

Еще через пару верст Ермила нашел удобный въезд на реку, и вскоре сани потянулись по речному, покрытому снегом, льду. Неожиданно из-за излучины Десны навстречу беглецам выскочили два всадника. Лесник вздрогнул и схватился за рогатину. Аграфена вскрикнула и стала громко, плачущим голосом молиться. К счастью, всадники оказались своими. Это были вооруженные тяжелыми копьями городецкие мужики в грубых овчинных полушубках.

– Кто ты такой и куда путь держишь? – спросил густым басом Ермилу рослый, плечистый, бородатый всадник. Лесник посмотрел на него и успокоился: – Слава Господу, что не половцы!

– Ох, дяденька, – заголосила Аграфена, – уж так мы напугались, думали, что вы – проклятые половцы!

– Что ты, красная девица! – засмеялся второй мужик, совсем еще молодой, с небольшой русой бородкой. – Откуда тут взяты половцам: до наших лесов они не добираются! Вот там, в степях...

– Как это не добираются!? – возмутился Ермила. – А кто же тогда город Вщиж разорил? – И он махнул рукой в сторону черной тучи.

– Да что ты такое говоришь?! – изумился старший всадник. – Как же это случилось?! Или ты смеешься над нами?!

– Какое там смеяться! – буркнул лесник и коротко рассказал о том, что сам видел. Слушая его, мужики все более и более мрачнели.

– У меня там сестра во Вщиже! – сказал старший городчанин, когда Ермила замолчал и поморщился, сдерживая чувства.

– А у меня – невеста! – вскрикнул молодой и засуетился в седле. – Гнать туда на выручку нам надо!

– Не горячитесь! – остановил его лесник. – Не одолеть вам одним несметные полчища поганых! Если бы вы глянули тогда на лед Десны... Да там их, едва ли не тьма тьмущая! Скачите-ка лучше в Городец да князьему управляющему обо всем расскажите, чтобы поганные не застали его врасплох. Да усадьбу надо укрепить!

– Что ж, твоя правда! – крикнул молодой всадник, поворачивая коня. – Погнали тогда к управляющему, нечего зря тратить время!

И они быстро поскакали в сторону своего села.

Ермила продолжил путь и уже без препятствий и остановок еще засветло подъехал к большой княжеской усадьбе, называемой Брянск и расположенной в пятидесяти верстах от Вщижа вниз по Десне.

Он въехал на большую крутую гору по хорошо утоптанной, извивавшейся между двумя холмами, постепенно поднимающейся вверх дороге.

Небольшая крепость, стены которой окружали княжескую усадьбу, хорошо охранялась. Ворота, правда, были открыты, но прямо перед ними стояли двое вооруженных, одетых в добротные бараньи тулупы, княжеских слуг.

– Кто ты такой и зачем сюда приехал?! – громко, неприветливо крикнул ближайший стражник.

– Лесник Ермила из Вщижа. Еду к управляющему, чтобы рассказать о набеге половцев! Они начисто сожгли Вщиж!

– О, Господи! – выпучили глаза оба воина. – Заезжай тогда побыстрее да иди к воеводе. Вот уж беда-то!

Лесник с семьей проехали по внутреннему городку и остановились у большого двухэтажного бревенчатого дома княжеского управляющего. Там уже их ждали: от ворот поступил невидимый для гостей, но известный в крепости, свой особый сигнал.

Ефим Добрыневич, брянский управляющий усадьбой Михаила Черниговского, приветливо встретил семью лесника. Усадил за дубовый стол, обогрел, накормил.

Выпив чашу крепкого меда, Ермила начал свой рассказ. Гостеприимный хозяин со своей женой Варварой внимательно его слушали и лишь периодически обменивались тревожными взглядами.

Не успел лесник рассказать и половину того, что хотел, как Добрыневич, дождавшись паузы, кликнул своего домашнего слугу и потребовал немедленно созвать всех старших дружинников. Все было сделано очень быстро. Собрав воинов и челядь, управитель стал отдавать срочные распоряжения.

– Так, Домаслав пойдет к западным воротам, Рудак – к восточным, а Преслав и Онфим – к северным и южным! Облейте водой все дубовые стены, пока еще морозно! Варите смолу, отоприте склады, чтобы воины разобрали дротики и стрелы! Внимательно осмотрите все луки и камнеметы! А на ночь учредим караул! Будем почаще менять стражников!

Он еще долго давал команды и наставления, и Ермила с женой, слушая все это, понимали: перед ними настоящий военачальник, который так просто не сдаст свой маленький детинец.

– Эх, если бы стоял тогда такой воин во главе вщижской стражи! – подумал Ермила.

Но вот Ефим Добрыневич сделал все необходимое и вернулся к гостям. – Что ж, теперь рассказывай, – молвил он и приветливо улыбнулся. – Стал я стар, шестой уже мне десяток, не так поворотлив, как в молодые годы, а говорить и делать нужно много: увы, непонятливы наши люди!

Ермила подробно изложил остальную часть своего рассказа. Когда он дошел до эпизода с необычной стрелой, Добрыневич вздрогнул и едва не перебил его.

– Так где же она, стрела эта? – спросил, наконец, он, когда лесник замолчал.

– Вот! – ответил Ермила и протянул ему извлеченный из кармана железный предмет.

– Матушки мои! – вскричал Добрыневич. – Да какие же это половцы, голубчик ты мой!? Это же монголы, татары!!! – Он долго не мог успокоиться и все ощупывал наконечник вражеской стрелы. – Выходит, что они постреливают из луков в морозец? Научились, значит, гады ползучие!

Лесник с недоумением посмотрел на собеседника.

– Видишь ли, – стал объяснять ему Добрыневич, – я сам встречался с этими татарами, которых по-разному называют... И не просто встречался, вот, полюбуйся! – Он задрал штанину и показал огромный белый рубец на икре левой ноги: как будто целый кусок плоти был вырван жестоким и неведомым зверем. – Это – след такой игрушки! – И он бросил железку на стол. – Вот так!

– Так, значит, то не половцы?! – вскрикнула испуганно Аграфена.

– Истинно, что они – татары! Лет тому пятнадцать назад я столкнулся с ними! – кивнул головой управитель. – О, то рать была прежестокая!

И он рассказал гостям о событиях, пережитых им в те недалекие годы.

Ефим Добрыневич был тогда одним из старших дружинников в войске нынешнего черниговского князя Михаила и вместе с ним приехал на княжеский Совет, который проходил тогда в Киеве. К русским князьям обратились за помощью бывшие лютые недруги – половцы – на которых напали неведомые и жестокие враги, пришедшие с юга, со стороны Хазарских гор. Князья долго спорили, многие из них не хотели помогать разорителям русской земли. Но победило «слово златое» князя Михаила Всеволодовича, поддержанного Даниилом Романовичем Волынским. Они рвались в бой, желая испытать свои силы. И русские войска пошли в половецкие степи!

На Днепре у города Заруба в русский стан прибыли послы от татар, их было десять человек. Они предлагали князьям мир и союз против половцев. Но Михаил Всеволодович, проявив вспыльчивость, неожиданно для всех приказал перебить татар. С ним пытались спорить – послы ведь люди неприкосновенные – но он и слушать не захотел!

Когда же русские подошли к Олешью, к ним вновь явились посланники от врагов и смело, невзирая на угрозу их жизни, заявили: – Если вы такие безбожные, что убиваете послов, то мы не будем с вами больше говорить. Бог один для всех, да пусть он тогда рассудит, кто прав между нами теперь. Пусть же будет жестокое сражение, берегитесь!

Услышав эти слова, князья сильно опечалились, понимая, что не только правы, но смелы и отважны степные воины. Этих послов не тронули и беспрепятственно отпустили.

И вот на реке Калке состоялась ужасная битва! Ее трудно описать словами. Степь окуталась пылью и туманом. Татары так быстро напали на половцев, стоявших впереди, действовали так слаженно и умело, что и часа не прошло, как они разбили их и погнали прямо на русские рати. Половцы метались, как зайцы, по всему полю и вносили смятение в ряды русских. Битва закончилась печально. Разгневанные враги перебили большую часть княжеских отрядов, погибли многие русские князья, в том числе и черниговский Мстислав Светославович со своим сыном. Михаилу Всеволодовичу и Даниилу Галицкому с превеликим трудом удалось спастись, добравшись до своих ладей на реке. Сам Ефим Добрыневич, раненый стрелой в ногу, истекая кровью, сумел лишь с помощью верного друга и быстрого коня уйти от погони.

– Вот как завершилась наша первая с татарами встреча! Князь Михаил Всеволодыч княжение черниговское заполучил, а я, хромой и раненый, тут засел! – заключил управляющий и задумался.

– А вот ты сказывал про морозец, – промолвил Ермила. – Не стреляют-де тогда вражеские луки?

– Как бы это объяснить? Вот мы тогда добыли не один татарский лук и стрелы к ним. Такие, надо бы прибавить, тугие и дальнобойные! Бьют они едва не за версту и без промаха! А вот зимой луки эти не сгибаются!

– Да я сам видел, как поганый выпустил каленую стрелу! – не унимался лесник. – Значит, морозец им не помеха!

– Кто их знает, – засомневался Добрыневич, – нынче, в марте, слабы морозы и едва не течет... Да, ладно уж, оставим мы эти татарские луки. Иное дело, как тут эти степные хищники объявились? Правда, я слышал, что еще в начале зимы они вторглись в рязанскую землю. Князь Михаил присылал сюда гонца из Чернигова, когда об этом узнал и наказал укрепить усадьбу. Вот я исполнил княжескую волю и построил здесь крепость!

– Да, тут врагу не развернуться! – воскликнул Ермила. – Крепость невелика, но устоять может! Не знаю, смог ли бы кто взять эту неприступную гору! Однако ж, во Вщиже была защита премошная! Какие были стены! Не зря этот город назвали «Вщижем» еще во времена Владимира Красное Солнышко!

– Так что же это слово значит? – вмешалась в разговор молчавшая до сих пор Варвара. – Какое-то чириканье: чиж, учиж!

– Жители называют так колючий озерный орех, – улыбнулась Аграфена. – Бывало в детстве мы частенько ходили с девками до озера недалеко да вщижи там собирали!

– Так ведь этот колючий орех называется «чилим»! – засмеялся Добрыневич. – Так мы всегда говорили, но чтобы «вщиж»...

– Но это не так! – возразил лесник. – Чилим... значит вся трава ореховая с корнями, а сам плод – вщиж! Выщиж, выползок, понимаешь?

– Понимаю, – кивнула головой Варвара. – Значит, назвали город из-за ореха, крепкий, мол, такой и колючий!

– А оказалось, что пал ваш «орешек» в одночасье! – сказал с грустью управляющий. – А я все-таки думаю, что название этого города пришло не от ореха. Тут все просто. Крепостца всегда называлась «вежищей». Вот вам и название! Со временем переделали – и все! А я ведь посылал гонца к князю Олегу, сразу как узнал о рязанской напасти, и подал ему тогда совет, чтобы укрепили город и крепость!

– Он был стар, болен, и совсем запустил дела, – пробормотал Ермила. – А его ратная дружина совсем не готовилась к битвам и осаде. Все ударились в пьянство и гульбу!

– Это так, – кивнул головой Добрыневич. – Князь этот Олег, если говорить правду, был нашему Михаилу Всеволодычу как кость в горле! Почитал себя таким великим правителем! И совсем не слушал великого черниговского князя! Однако же, царствие ему небесное! Вряд ли этот несчастный уцелел в поганском погроме!

Поговорив еще немного и напоив гостей горячим брусничным взваром, Ефим Добрыневич подозвал слугу и распорядился устроить лесника с семьей в большой теплой комнате своей избы.

– Утро вечера мудренее! – сказала ласково Варвара, провожая гостей в спальню. – Отдохните, а завтра уж придумаем, как с вами быть.

Плохо спалось Ермиле с женой в эту ночь. Беспокойно ворочались и кряхтели на большой постели дети. До утра со всех концов крепости доносились глухие, протяжные крики часовых: – Большая башня! Все тихо! Малая башня! Не спи там!

ГЛАВА 5 СПАСЕНИЕ

Купчиха Василиса лежала на столе, широко раскрыв от отвращения и ужаса глаза. Над ней склонился, медленно покачиваясь, насильник, распространяя вокруг себя отвратительный запах немытого тела, пота и прогоркшего бараньего сала.

Вдруг что-то произошло. Как-будто в избу ворвался свежий ветер. Монгол как-то обмяк и отвалился от своей жертвы. Несчастливая женщина поняла, что он почему-то утратил свою мужественность. Раздался громкий хриплый каркающий смех. И тут, казалось, захохотали даже стены! Затем кто-то спереди у окна, где сидели на скамье вражеские главари, быстро заговорил на гортанном, непонятном русской женщине, языке.

Василиса скосила глаза и увидела говорившего: это был посланник Бату, довольно красивый, по сравнению с толпившимися вокруг монгольскими воинами, мужчина.

Купчиха отметила про себя, что у этого человека и голос, и манеры были особенными. На груди у него висела небольшая серебристого цвета пластина, отражавшая свет и мерцавшая при разговоре и движении властного гостя. Неожиданно ей показалось, что с этим неведомым, уверенным в себе, сильным человеком придет ее спасение от неминуемой гибели! Василиса тяжело задышала: ее молодое и здоровое тело не хотело умирать! Мысленно она обратилась к милосердному Богу, умоляя его сохранить ей жизнь.

И видимо молитвы жалкой и измученной страдальицы дошли до Господа. После нескольких слов красивого монгола раздался шум шагов уходивших воинов, и вскоре изба опустела. Вслед за тем вся комната вдруг наполнилась кричавшими, плакавшими женщинами. Они обступили со всех сторон голую Василису, всплескивая руками и истерически дрожа. Некоторые уже выплакали все слезы и только визжали, не веря, что счастливо избежали насилия.

Снова хлопнула дверь, и монголы стали заносить и укладывать на пол какие-то тюки. Женщины при этом заголосили громче. Со двора донесся стук забиваемых в стены дома гвоздей, а потом все затихло. Но буквально через мгновение послышался громкий протяжный крик чужеземного воина, и вдруг вся изба задрожала от дикого, оглушавшего, общего вопля злодеев!

Этот шум привел в такой испуг несчастных вщижанок, что все они, не выдержав, рухнули, как подкошенные, на пол, ожидая смерти.

С улицы теперь уже шли другие звуки: мощный тысячекопытный топот удалявшихся врагов, редкие хриплые крики монгольских командиров да какой-то непонятный гул и треск. Под этот шум Василиса приподнялась и стала медленно слезать со стола. Наконец она встала на ноги и, пошатываясь, осторожно пошла, обходя лежавших, стонавших женщин, к черной куче, громоздившейся у входа.

– О, Господи, да тут же одни покойники! – вскрикнула купчиха. – И тела – вражьи! Значит, Господь и их наказал! – Она потянула входную дверь, но та не поддавалась. – Заколотили намертво, супостаты окаянные!

Вдруг запахло гарью, и густой едкий дым стал быстро заполнять избу. Теперь уже все было ясно: враги решили их просто-напросто сжечь! Ужас охватил несчастную Василису. Она схватилась руками за грудь и громко застонала: выходит, напрасны были ее молитвы: спасения от ужасной смерти нет! Рядом голосили лежавшие на полу бабы. Глядя на них, жалких и отчаявшихся, купчиха стала постепенно приходить в себя.

– Однако же, я совсем нагая! – опомнилась она, наконец, и огляделась. В углу у самой двери валялись какие-то тряпки. – Да вот же наша одежда, злодеями теми сорванная! – дога-

далась Василиса. Она подошла к бесформенной куче и стала быстро выбирать свои вещи. В это время сзади к ней приблизилась другая женщина и тоже стала рыться в тряпье. Купчиха посмотрела на подругу по несчастью. Это была Влада, бывшая невеста пасечника.

– Что же, Владушка, надо одеваться, – всхлипнула Василиса. – Уж хоть смерть примем, но в одежде, без срама!

– Твоя правда, Василисушка, – прохрипела сорвавшая голос девушка, – стыдно-то больно в сраме таком перед Господом встать!

Довольно скоро к ним присоединились и другие женщины, выискивая свои платья и сарафаны. У четверых нашлись даже полушубки: вражьи всадники захватили их прямо на улицах.

Дым в избе уже так сгустился, что только благодаря свечам, оставленным врагами, еще хоть что-то можно было разобрать. Одни женщины уже кашляли, хватались за грудь и задыхались. Другие бегали по избе, стучали в заколоченные дверь и окна, бились о стены.

– Послушай-ка меня, Влада! – промолвила вдруг купчиха. – Ты же была невестой здешнего пасечника! Неужели ты не ходила к нему в гости?... Ну, как бы тебе сказать, на... любовные свидания?

– Ну, ты скажешь! Разве такое дозволено? – возразила девушка. – Ну, если только... – вдруг она вздрогнула и схватила за руку Василису. – Ох, Василисушка, хаживала и помню!..

Тут она вскочила и, уже одетая, побежала к другой стене избы, где в углу все еще лежали в полуобморочном состоянии изнасилованные женщины.

– Подымайтесь! – крикнула им Влада. – И живо одевайтесь! Я знаю, как спастись! Здесь есть выход!

Уже одевшиеся бабы кинулись приводить в чувство лежавших.

Влада просунула руку в большую щель бревенчатой стены в углу у самого пола и стала что-то быстро тянуть. Сначала ей удалось выдвинуть и высунуть большое короткое бревно, а вслед за тем уже длинные сухие сосновые жерди, и перед обезумевшими от радости бабами открылся довольно большой, как раз по ширине человеческого тела, лаз. Наконец, находчивая девушка пролезла внутрь и стала с шумом возиться в глубине простенка. Вскоре в избе похолодало и потянуло свежим морозным воздухом. Однако дыма не только не убавилось, но стало еще более душно и даже темно. Гудение и треск снаружи усилились: видимо пламя неумолимо приближалось.

– Давайте, женушки! – крикнула с каким-то визгом вернувшаяся в дымную комнату Влада. – Лезьте туда каждая! Но без ссор, не давитесь!

Бабы начали спорить, кто первый полезет в спасительное отверстие, но Василиса немедленно прекратила раздор. – А ну-ка! – толкнула она стоявшую впереди женщину, супругу княжеского дворецкого Забаву. – Лезь! И поживей!

Та не стала себя упрашивать, и вскоре в избе остались лишь едва пришедшие в чувства жертвы насилия. Они копались в куче тряпок, не находя своих вещей.

– Какие же вы дурищи! – крикнула купчиха. – Что возитесь там как тараканы в кадке! Ну-ка, бегом к лазу!

– Да мы же нагие! Стыдно такими вылезать на Божий свет! – пробормотала одна из несчастных.

– Вот уж бестолковые! – рассердилась Василиса. – Хватайте же свои жалкие тряпицы и – вон наружу! Там оденетесь! О жизни надо думать, а не о суетном сраме!

Она схватила в охапку первую попавшуюся под руки женщину и потащила ее к отверстию в стене. Та стала сопротивляться.

– Лезь, сука! – заорала купчиха, потеряв терпение. – Что мне, помирать теперь из-за тебя глумной!?

Баба беспрекословно полезла в темный провал. Вслед за ней устремились и остальные. Василиса выбралась последней и едва успела вытащить ноги, как в избе что-то загудело, зашипело, и дом весь вспыхнул, как сухой тростник. Мгновение, и вся постройка зашаталась, крыша поползла как-то неуклюже вглубь, и, наконец, рухнула внутрь здания с грохотом и треском.

– Отойди, матушка! – закричала стоявшая в десяти шагах от Василисы Влада. – Вон балка, балка падает!

Купчиха подпрыгнула и вовремя: огромный огненный столб рухнул прямо у ее ног, осыпав женщину целым снопом горячих искр.

– Ух, ты, Господи! – перевела дух Василиса. – Еле от напасти избавилась!

– Родная ты наша, спасительница! – заголосили стоявшие рядом бабы. – Как бы мы без тебя тут справились!?

– Хвалите не меня, но девицу эту! – показала рукой купчиха на Владу. – Это она нас освободила! Если бы не ее пасечник...

Тут она осеклась и замолчала.

Тем временем женщины стали приходить в себя. Одни из них внешне спокойно и безучастно сидели на разбросанных вокруг бревнах и смотрели на догоравший дом, другие плакали, вспоминая недавние события.

Вдруг Елица, дочь известного городского скорняка Синко, вспомнила о доме.

– Батюшки! – завопила она. – Там же мамочку мою злодеи до смерти убили! Я сама видела, как зарубил ее косоглазый ирод! Ох, горе, горе-то какое!!!

Бабы громко заплакали, запричитали.

– А ну-ка, замолчите, дуры! – крикнула решительно Василиса. – Или вы хотите, чтобы на ваши крики вернулись супостаты?! И себя и нас загубите! – Плачь тут же прекратился. – Давайте-ка думать, женушки, что нам делать дальше. Ведь уж сумерки, близка ночь, а нам некуда головушки преклонить!

Но думать пришлось только одной купчихе, остальные все никак не могли очнуться от пережитого.

– Так вот что, подруженьки, надо нам сделать, – размышляла Василиса. – Сначала нужно найти какой-нибудь приют. Может где изба уцелела... И надо нас всех посчитать!

Когда посчитали, удивились. Оказывается, ни одна захваченная в плен врагами женщина не погибла.

– Восемнадцать! – крикнула Влада. – Слава Господу: все живы!

– Ну, так пойдем тогда в Город за пристанищем! – подвела итог купчиха. – А там уж надумаем, что дальше делать.

И толпа измученных, едва сохранивших силы вщижанок, медленно двинулась по истоптанной, забрызганной кровью дороге.

Шли молча, каждый думал о своем, радость недавнего спасения прошла едва ли не с первыми мыслями о доме. А по мере приближения к городу путницы все больше начинали впадать в отчаяние от безысходности: по дороге встречались лишь изуродованные трупы и догоравшие нижние части жилищ.

– Что же перед нами?! – вскрикнула неожиданно горшечница Рута, как только процессия вышла из леса. – Неужели это наш жалкий Город!?

Перед ними предстала зловещая темно-серая пустыня. Города не было. Несколько холмов, окутанных дымом, четко вырисовывались на сумеречном фоне ближайших лесов. Куда-то исчезли стены некогда грозной крепости. В прах превратились прекрасные терема знати и зажиточных горожан. Со стороны церкви серела какая-то бесформенная, напоминавшая небольшую горку, кирпично-каменная куча.

Как замороженные, молча, глядели бабы на это страшное зрелище и все никак не могли оторвать глаз.

Понимая, что сейчас нельзя дать им вновь придти в отчаяние, Василиса решила их отвлечь. В этом ей помогли недавняя спасительница Влада и скорнячиха Елица, пришедшая, наконец, в себя.

– Давайте-ка, женушки, к Десне спускайтесь! – громко сказала купчиха. – Тут нам уж делать нечего! Отойдем от города и тогда подумаем!

Но все оказалось не так просто! Почти целый час ушел на уговаривание нежелающих уходить вщижанок. Лишь с превеликим трудом, когда, казалось, терпение уже лопалось, три мужественных женщины сумели отвести несчастных от руин своего родного города.

Когда они вышли на лед, уже было довольно темно. Мороз усилился, и одетые в домо- тканые сарафаны женщины стали замерзать. Полушубки были у немногих.

– Вот что, женушки, – сказала вдруг до этого времени молчавшая княжеская птичница Добрава, – давайте-ка надевайте на себя тряпицы, какие есть, без промедления! – она протянула большой узел. – Я их прихватила, когда услышала крики. Валил же дым! Думала, приключился пожар... Да хоть бы тряпье вынести... Как видите, не напрасно!

Бабы безучастно стояли на другом берегу Десны и безмолвно смотрели на дымившиеся развалины.

– Ну-ка, одевайтесь, хватит так стоять, дуры бестолковые! – рассердилась Василиса. С помощью пришедших в себя женщин она стала извлекать из мешка птичницы одежду и натягивать ее на стоявших, как жерди, страдалиц.

– Нет, женушки, так не пойдет! – крикнула Елица. – Или замерзнуть вы тут захотели?! А ну-ка одевайтесь!

В это время со стороны города донесся длинный, протяжный волчий вой! За ним последовал какой-то отчаянный звериный вопль со стороны леса, и скоро уже все окрестности огласились ужасными, наводящими страх и тоску звуками... В мертвом городе появились новые, ночные хозяева!

Женщины вздрогнули, сбились в кучу и прижались друг к другу.

– Ну, образумились, глупые? – молвила с гневом Василиса. – Зачем вы стоите, как каменные столбы? Волчьей сытью захотели стать?

– Ох, Василисушка! – запричитали, почувствовав новую страшную угрозу, бабы. – Спасай же нас, выводи отсюда, матушка!

– Одевайте же на себя тряпицы, вам данные, – вмешалась Добрава. – Уж до смерти бы не замерзнуть!

– А путь нам еще предстоит тягостный, – добавила купчиха. – До лесной Ермилиной сторожки. Я думаю, что проклятые супостаты ничего не знали об этой сторожке! Там мы и найдем себе укрытие! Идти, правда, пять или шесть верст, но куда деваться! А значит, спасутся те, кто потеплей оденутся!

Теперь с ней никто не спорил. Быстро натянув на себя предложенную одежду, закутавшись тряпками, смирившиеся бабы кучно пошли за Василисой в сторону большого леса. Сначала шли через снежные сугробы, путаясь ногами в ямах и рытвинах, спотыкаясь и падая. В кромешной тьме вела купчиха своих подруг по несчастью через кусты, окружавшие реку и озеро, а потом и по усыпанному снегом льду. Постепенно женщины выстроились в правильную колонну, в которой самые сильные шли впереди, вытаптывая снег, а самые слабые и измученные – сзади.

Неожиданно Василиса и Влада наткнулись на две параллельные, плотно укатанные дорожки.

– Вот уж какое чудо! – воскликнула купчиха. – Неужели лыжня?

– Да, лыжня, матушка! – обрадовалась Влада. – Давайте же только по ней идти! Не приведи, Господи, собьемся с этой удачливой тропинки!

И они, повеселев, направились по лыжне лесника Ермилы, который, сам того не ведая, явился истинным спасителем немногих чудом уцелевших жительниц Вщижа.

ГЛАВА 6 В ВЕЛИКОМ КИЕВЕ

Солнце вставало над Десной, озаряя своими лучами проснувшийся Чернигов. Многочисленный народ толпился на берегу реки около двух больших гребных княжеских судов, стоявших у пристани. Семья князя Михаила Черниговского уезжала в Киев. Одетые в сверкавшие доспехи дружинники стояли в почетном карауле, пропуская на суда только известных им княжеских людей. Те быстро сновали взад и вперед, перенося и укладывая всевозможные тюки с княжеским имуществом. Наконец, все было готово, и любопытный народ зашумел, заволновался: к пристани подъехала княжеская повозка, сопровождаемая конной охраной. Из большого открытого возка вышла высокая стройная светловолосая женщина – княгиня Агафья – а за ней устремились дети: падчерица Феодулия, двадцатипятилетняя белокурая красавица, второй по старшинству сын Роман, которому шел тринадцатый год, одиннадцатилетний Мстислав, девятилетний Симеон и семилетний Юрий. Поскольку княжич Роман был здесь старшим в семье мужчиной, он с гордостью и решимостью первым взобрался на борт огромной лодки, украшенной яркими красно-сине-желтыми парусами и, дождавшись, когда вся семья заполнит середину судна, где слуги приготовили для высоких путешественников удобные с мягкими пуховыми подушками сидения, отдал приказ двинуться в путь.

Заиграл походный рожок, слуги спустили ненужные из-за безветрия паруса, и гребцы дружно, в лад, ударили веслами о воду.

Небольшая флотилия быстро отошла от пристани и, оказавшись на середине реки, отдалась воле течения, понесшего суда на юг в сторону Киева.

Путь был недолог. Каких-нибудь полтора верста отделяли стольный Чернигов от «матери градов русских» – великого Киева.

Княжич Роман, сидевший на передней скамье, недолго смотрел в прозрачные воды реки да на поросшие лиственными деревьями берега. Он думал о будущем, о том, что ожидает его в Киеве. Ведь теперь его отец – великий киевский князь! Сбылась мечта черниговского потомка Рюриковичей – он достиг прижизненной вершины славы!

Все случилось так неожиданно и скоро. Без войны, без изнурительных походов. Прежний великий киевский князь Ярослав Всеволодович, получив известие о гибели своего старшего брата Юрия в битве с татарами, сразу же уехал из столицы принимать под свое правление владими́ро-суздальские земли. Правда, перед этим он отвез свою семью в Великий Новгород, не тронутый степными завоевателями, а уже потом устремился в разгромленный край. Но Михаил, отец Романа, не стал дожидаться дальнейших событий, и, оставив в Галиче сына Ростислава, вошел со своей дружиной в древнюю столицу Руси.

Киевляне встретили нового князя сдержанно: не было торжественных церемоний и изъявлений верности, а киевский митрополит даже попытался увещевать его не спешить объявлять себя великим киевским князем.

Однако Михаил сумел убедить лучших людей и священников в законности своих действий, поскольку он по старшинству имел полное право на самый почетный на Руси «стол»: Ярослав был моложе его на двенадцать лет...

– Не за благо земных сокровищ, но за воинскую славу беру Киев! – говорил знати новый киевский князь. Мнение же князя Ярослава, который в свое время отнял у него Великий Новгород, его совершенно не интересовало.

Как будто не было угрозы со стороны жестоких, беспощадных татар! Князя продолжали свои междоусобицы и споры по-прежнему!

Вот и теперь для обострения отношений с другими Рюриковичами Михаилу остался только один шаг – венчание на великое киевское княжение. И черниговский князь, пренебрегая опасностью, его сделал. Поспешно, чтобы никто не помешал ему осуществить свой замысел, он вызвал из Чернигова свою семью, договорился с высшими духовными пастырями и решил венчаться до начала лета 1238 года.

Княжич Роман, несмотря на свой отроческий возраст, понимал, что впереди их ожидают многие трудности. Он боялся за отца, мать, вспоминая рассказы своего учителя и «калик переходящих» о княжеских междоусобицах и кровопролитиях. Много говорили за последние дни и о неведомых, страшных врагах – татарах – за одну зиму разоривших самые богатые и цветущие земли северо-восточной Руси.

Страшные вещи рассказывали недавно и люди брянского управляющего Ефима Добрыневича о расправе степных хищников над жителями города Вщижа. Оказывается, злодеи даже разрезали животы покойникам и так уродовали трупы, что их нельзя было потом опознать! Отец, князь Михаил, правда, успокаивал, говорил, что это Божья кара и что черниговские земли в силах сами отбиться от новых врагов.

– Разогнали хазар, печенегов и половцев. И татар одолеем! – утверждал он. – У нас, слава Господу, есть могучее войско и верные люди. Мы не суздальцы!

Великий князь оправдал вщижский погром как справедливое Божье наказание и святой промысел.

– Олег Вщижский был постарше меня, – объяснял князь Михаил. – Он считал себя равным мне и совсем не признавал власти Чернигова. Из-за этого я не ездил во Вщиж, да и князь Олег также не был нашим гостем, не проявляя ко мне своего почтения! Что ж, царствие ему небесное, а нам – богатую землю!

Отец вскоре послал людей в Брянск с наказом – забрать все Олеговы владения, навести там порядок, побыстрее срубить избы для новых поселенцев и посадить на местах своих, преданных Чернигову, управляющих.

Тревожные мысли не давали покоя княжичу Роману, уверенность отца почему-то не успокаивала. С грустным лицом сидела на своей скамье и княгиня Агафья. Молчали, глядя на все расширяющуюся Десну, младшие княжичи.

– Матушка, – обратился, обернувшись к княгине, Роман, – как ты думаешь, удержит ли наш батюшка Киев?

– Не знаю, сынок, что тебе сказать, – улыбнулась, смахнув слезу, мать. – Батюшке виднее, что нужно делать. Боюсь я только за Ростислава. Батюшка оставил в Галиче моего отрока! А это – земля моего брата и вашего дяди Даниила! Зачем нужно было отнимать у него этот город? Братец ведь рассердится!

– Не горюй, матушка, – промолвил Роман. – Ведь ты сама говорила, что батюшка знает, что надо делать. Дядюшка Даниил не будет гневаться! Я думаю, что они объединят свои силы и укроют нашу землю надежным щитом!

– Дай-то, Господи, чтобы так! – перекрестилась княгиня. – Мы тогда спокойно проживем и не будем знать горя! Так вот, сынок, твой дядя Даниил очень силен! Еще отроком он поборол немало знатных молодцев! А какой он умный!

– Матушка княгиня! – закричал вдруг с кормы старший дружинник. – Вот уж Днепр перед нами! Совсем недалеко до Киева! Верст шесть, не более!

Путешественники с интересом смотрели, как их суда быстро и плавно входят в великую реку. В том месте Днепр, принимая в себя Десну, становится широким и полноводным. Таким могучим, как его видели древние греки, назвав Борисфеном.

Солнце уже было высоко, когда княжеская семья прибыла, наконец, в древнюю столицу Руси. Красота большого города, ошеломившая путешественников, когда они любовались Киевом со стороны реки, сразу же померкла, как только они пристали к большому реч-

ному причалу. Здесь стояли всевозможные суда. От огромных купеческих ладей, привезших товары из далекой Византии, до мельчайших рыбацких лодок! Весь Днепр был покрыт дощатыми плотами и однопарусными стругами! Пристань буквально кипела суетившимися, кричавшими людьми. Одни тащили корзины с рыбой, другие – какие-то бочонки. А с большого, видимо, иноземного корабля грузчики выносили и укладывали на телеги длинные разноцветные тюки со многими товарами.

Занятые своими делами люди, казалось, не замечали высоких гостей. Но княжескую семью встречали. Когда их маленькая флотилия пристала к берегу, княжич Роман увидел небольшой отряд одетых в блестящие латы воинов, сопровождавших богато одетых горожан и священников. Они махали руками, улыбались, что-то кричали. Как только княгиня Агафья и ее дети выбрались на берег, к ним сразу же подошел высокий, с длинной седой бородой, старик. Он приветливо улыбнулся и как бы осветил своим ласковым взглядом княжескую семью.

– Хлеб-соль и здоровье, матушка княгиня! – громко сказал киевлянин. – Рады видеть тебя и ваше семейство! Добро пожаловать!

Обменявшись несколькими приветственными фразами со встречавшими, княгиня с детьми быстро направилась в сторону большой, богато украшенной повозки с четырьмя черными, как смоль, лошадьми.

В это время князь Михаил сидел на скамье в знаменитой светлице святого Владимира. Окруженный своими боярами и городской знатью, он, хмурый и раздраженный, напряженно думал. Князь был чрезвычайно разгневан только что вышедшим от него посланцем владимиросуздальского князя Ярослава. Тот так грубо и бесцеремонно передал послание своего повелителя, что испортил настроение всему собранию! – Ярослав рассердился, когда я занял славный Киев! – возмущался про себя князь Михаил. – Мало Ярославу такой богатой земли, как его великое суздальское княжение! Вот уж скупец! А когда я стал князем Новгорода Великого, так Ярослав влез и туда! Отнял у меня тогда тот богатый северный город! Теперь он об этом забыл и не видит моего нынешнего старшинства! Ну, ничего, у Ярослава уже не та сила! Да и наглый посол заявил, что я не должен венчаться на великое киевское княжение! Еще грозился мстью Ярослава! Какое бесстыдство! – Михаил ударил кулаком по столу: – Эй, мои верные бояре! А не казнить ли нам этого хама лютой смертью? Разве можно так позорить княжеское имя?!

– Что ты, господин наш великий князь! – молвил ближайший к нему боярин. – Посланец тут не повинен! Твой давний недруг, князь Ярослав, говорил его губами. Княжеский слуга покорен своему господину! Хвалить надо княжеских слуг за такое усердие. А поэтому, вот тебе мой верный совет: не горячись, князь, и прости этого холопа. А Господь тебя сторицей вознаградит!

– Ладно, Акинф, – успокоился князь Михаил, – бес с ним, с этим посланцем! Давай-ка думу думать по нынешнему делу. Надо ли приглашать на венчанье смоленских князей?

– Великий князь! – отвечивал воевода Благомир. – Я думаю, что не надо теперь созывать князей. Пошли им весть о твоём старшинстве и венчании!

– А может, отложим это венчанье? – вмешался митрополит. – Пошлем гонцов в Суздаль к князю Ярославу, на Волынь, к князю Даниилу, да в Смоленск? А уж как тогда решат все князья, так пусть и будет... Больно тревожно нынешнее время! Не нужно бы ссориться!

– Ну, уж нет! – возразил ему великий князь. – От затяжки будет только вред! И если собрать всех князей на совет, ничего хорошего не выйдет! Теперь мой славный Киев! Не отдам его, как тогда Великий Новгород! Вот уже весна кончается, а у нас вместо дел только одна говорильня?! Завтра же будет венчанье!

На следующее утро главный и самый большой православный храм Руси – киевская София – до отказа наполнился народом. Торжественная служба проходила пышно, с множе-

ством свечей и ангельскими песнопениями. Князь Михаил не пожалел ни сил, ни средств на церемонию своего вознесения к вершине земной власти.

Княжеские дети, стоявшие на хорах в окружении своих наставников и старших дружинников, с умилением смотрели, как митрополит одевал на головы князя Михаила и княгини Агафьи сверкавшие драгоценными камнями венцы.

– Слава Михаилу, великому киевскому князю! – громко крикнул стоявший рядом с митрополитом церковный служка. – Много лет господину нашему!

– Слава!!! – закричали стоявшие в храме горожане. Гул многих голосов далеко вышел за пределы храма. Не сумевшие попасть на службу киевляне истово крестились, узнав о свершившемся. Благовестный колокольный звон разнесся по всему великому городу. Торжественная процессия величественно и плавно двинулась от собора святой Софии к княжескому терему.

Когда все гости вошли в пиршественную залу и уселись за богато уставленные яствами столы, митрополит произнес хвалебное слово новому великому князю и благословил предстоящую трапезу.

В это время в залу неожиданно вбежал княжеский охранник. – Милостивый князь! – крикнул он. – К тебе посланник от Даниила Волынского! Просит твоего срочного приема!

– От князя Данилы? – удивился и нахмурился Михаил Всеволодович. – Ну, что ж, он вовремя решил меня поздравить! Пусти же его сюда...

В полной тишине к княжескому креслу приблизился, обойдя стол, высокий, чернобородый и чернобровый воин в богатой, подбитой темной куницей, одежде, густо покрытой дорожной пылью. Сняв с головы отороченную куньим мехом шапку, посланник поясно поклонился князю и быстро, глядя ему прямо в глаза, произнес: – По воле Господа и великого галицкого князя Даниила, говорю тебе, Михаил Черниговский! Не в добрый час ты взял город Киев, не по Божьей воле ты отнял у меня Галич! Зачем ты послал своего сына Ростислава на мои города и вотчины? Господь все видит и знает: не будет тебе счастья на несчастье брата! От себя же и галицкой земли я шлю тебе жестокое проклятье и беспощадную вражду до конца моих дней!

ГЛАВА 7 ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Стучали топоры, валились великаны-сосны. Мужики быстро ошкуривали стволы, оттаскивали с помощью лошадей бревна, а затем, измерив их своим нехитрым инструментом, укладывали готовый строительный материал в правильные стопки. В полдень на поляну, где работали дровосеки, приезжали длинные повозки с тремя лошадьми, на которые погружали массивные столбы и отправляли их к только что восстановленному свайному мосту через Десну. Там бревна выгружали, а телеги отсылали назад в лес. Тем временем с другого берега реки прибывали верхом на конях новые мужики и, привязав толстыми пеньковыми веревками бревна к упряжи своих лошадей, волокли их через мост к месту большой стройки.

Избы рубились под зорким глазом городецкого управляющего Насвета Калиновича, который, в свою очередь, выполнял распоряжение Ефима Добрыневича из Брянска.

К лету 1238 года все земли бывшего вщижского удела отошли к великому киевскому и черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу. Не было ни споров, ни борьбы. Все управляющие покойного князя Олега Вщижского беспрекословно подчинились воле Михаила, перешли к нему на службу и явились в Брянск с подробными отчетами о доходах и расходах с поселений Речицы, Городца, Княжичей и Жирятина. Так исчез прежде беспокойный, но процветавший удел.

Брянский управляющий уже на следующий день после получения известия о вражеском набеge направил на место сожженного Вщижа своих людей. Отряд возглавил лесник Ермила, оставивший семью под сенью гостеприимного дома Ефима Добрыневича. Как и следовало ожидать, прибывшие обнаружили лишь догоравшие на пустынном месте угли и пепел. Здесь уже пребывали городецкие мужики, которые собирали по всему городищу трупы и укладывали их на телеги. Невдалеке, на месте бывшего городского кладбища, городчане рыли огромную яму, готовя братское погребение погибшим. В отдельных гробах не хоронили – трупы были настолько истерзаны и изуродованы, что узнать кого-либо было просто невозможно.

Здесь же суетился и городецкий поп Поликарп, который, обходя трупы и махая кадилом, читал над останками несчастных убиенных слова заупокойной молитвы.

Больше недели убирали мужики тела горожан, а когда с этим справились и предали их земле, наступил черед плотников: из Брянска пришел приказ срубить три-четыре десятка изб.

– Город вы теперь не возродите, – сказал Ефим Добрыневич, – но пусть хоть тут будет село. Не надо оставлять безлюдным такое богатое и славное место!

Ермила сразу же после осмотра пепелища отправился с двумя брянскими дружинниками на своей повозке в сторожку. Он очень боялся, что враги сожгли его лесной дом и уничтожили все имущество, ведь во время бегства они мало что сумели увезти.

Каково же было изумление лесника, когда, приблизившись к сторожке, он увидел дым, струившийся вверх из печной трубы! Осторожно подойдя к крыльцу, лесник тихонько поднялся по ступенькам вверх и толкнул дверь. Он едва не оглох, когда услышал пронзительные женские крики и визг. Лишь когда все успокоилось, Ермила узнал, кто были его гости, и несказанно обрадовался.

С купчихой Василисой он был знаком еще с отроческих лет. Они долго водили дружбу и даже любили друг друга. И если бы не богатый молодой купец Илья, кто знает, может быть Василиса вышла бы замуж за Ермилу...

Женщины рассказали о своем счастливом спасении, утаив лишь самую неприятную часть их испытаний – позорное насилие от монгольских воинов, о котором они договорились раз и навсегда забыть. Спали они вповалку, едва поместившись, в большой и малой комнатах избы. Пищи у них было достаточно, поскольку Ермила был хорошим хозяином и заготовил на зиму немало снеди.

По прибытии в сторожку бабы быстро, по очереди, помылись в баньке лесника и привели себя в порядок, починив порванные платья и сарафаны и даже, отобрав в чулане Ермилы заячьи шкурки, которых там было превеликое множество, собирались шить себе полушубки...

Лесник рассказал бедным женщинам о том, что он увидел на пепелище, о мужиках, которые убрали трупы и о счастливом спасении всех остальных русских поселений, до которых не дошли злодеи.

После столь неожиданной и радостной встречи Ермила отправился назад в Брянск сообщить обо всем местному управляющему.

Ефим Добрыневич был приятно удивлен его рассказом о мужественных вщижанках и выразил свою готовность принять их всех у себя, обещая устроить дальнейшую жизнь несчастных.

Сразу же на следующий день Ермила пригнал к своей лесной сторожке целую вереницу повозок, забрал всех спасшихся от верной смерти женщин и привез их к управляющему, который с помощью своей жены быстро разместил их по избам. Сам лесник вскоре уехал выполнять новое распоряжение Ефима – помогать городецким мужикам в вырубке леса для строительства изб будущего села на пепелище. Вот Ермила и метался по лесным опушкам, выбирая зрелые, пригодные для рубки деревья, выискивая наиболее короткие пути доставки бревен и стараясь так организовать работу, чтобы не нанести ущерба богатому, густому лесу.

Наступило лето, а лесник все еще скитался по делянкам, ругал мужиков, учил их как правильно и безопасно заготавливать лес. Нелегко ему было одному успевать и тут и там. Мужики менялись каждую неделю, и новоприбывших нужно было учить заново.

Как-то Ермила присел на бревно передохнуть и задумался.

– Вот еще неделя-другая и завершится эта проклятая пора! Уж так, десятка два изб срубили. Да леса еще немало заготовили. Даже о дровах на будущую зиму позаботились! Скоро поеду к семье и заберу их сюда, а там уж заживем по-прежнему! – решил он.

Неожиданно его мысли прервались топотом копыт приближавшегося всадника и зычным, протяжным криком: – Эй! Где же лесник Ермила обретается?!

Мужики приостановили работу и уставились на кричавшего. На коне сидел высокий, бородатый, одетый в богатую одежду, незнакомец. Его длинный иноземный кафтан цвета спелой вишни весь сиял серебряными нашивками и галунами.

– Илья Всемилич! – подскочил лесник. – Какими судьбами?! Издалека ли ты?!

Всадник соскочил с коня, бросив поводья стоявшему в оцепенении лесорубу, и подбежал к Ермиле.

– Будь здоров, славный Ермила Милешич! – воскликнул он, обняв и троекратно поцеловав лесника. – Не томи, мой детский друг, но скажи, что уж тут приключилось! Где же моя матушка и Василиса? Живы ли они?

– Василиса жива, Илья Всемилич... Тут она... неподалеку, в Брянске, у Ефима Добрынича, воеводы... Твоя супруга счастливо спаслась, а дело было так...

Купец Илья уселся на бревно рядом с лесником и внимательно выслушал всю историю от сожжения города до спасения и отъезда женщин в Брянск.

Когда Ермила завершил свое повествование, Илья долго и мрачно молчал, глядя невидящими, как-то сразу помутневшими глазами на стоявших рядом остолбеневших мужиков.

– Ну, что стали, окаменели, чай?! – крикнул лесник. – Ну-ка, за квасом сбегайте! Или не видите: не по себе человеку!

Купец выпил целую корчагу кислого бодрящего напитка и только тогда вышел из состояния полного отупения.

– А как же моя матушка? – простонал он. – Неужели ее убили?!

– Да, убили, – кивнул головой Ермила. – Лишь те женки уцелели!

Илья захрипел и горько зарыдал. Лесник не мешал ему изливать свои чувства и терпеливо ждал.

Наконец купец выплакал все слезы и, казалось, успокоился.

– Слава Господу, хоть Василисушка жива, – пробормотал он. – А что теперь делать? Я всегда могу срубить себе дом, но есть ли смысл его тут ставить? Города-то уж нет!

– Осели бы пока в Брянске, – кивнул головой Ермила. – А там надумаете, как дальше жить!

– Так и сделаю. Вот, право, я не знал, что моя Василисушка там осталась. Я проплывал возле Брянска на своем струге. Да лишь помахал рукой тамошним людям. Все сюда спешил! Я еду от греков: побывал в самом Царьграде! Как только мы добрались до Киева, сразу же продали наш товар. Я узнал, что на киевском престоле нынче князь Михаил! Князь ведь великий киевский! Высоко поднялась звезда Михаила Всеволодыча! Вот позвал меня к себе этот пресветлый князь и расспросил о греках, удивлялся моим рассказам. А когда я воссел за княжеский стол и отведал с его лучшими людьми хмельного меда, мне показалось, что нет на земле красивее места, нежели наш Киев, мать русских городов!

– А каков же он, князь Михаил?

– О, воин этот велик! Славный как делами своими ратными, так и управлением. Красив, высок и статен! Голос его громкий, как иерихонская труба, однако к своим людям он ласковый и заботливый, очень добрый!

– Ну, уж так не говори! Этот князь суров! Вот мне рассказывали, как он с татарскими послами расправился, как был страшен в битвах...

– Так на то он князь, чтобы быть суровым с врагами! А к своим подданным он ласков и добр! Когда я прибыл ко двору князя, он был не в духе: пришел посол от княжича Ростислава. Бежал этот княжич из вольнской земли к венгерскому королю: просить помощи! Князь Даниил вернул себе Галич и укрепил свою власть во всей Галичине. Богатые земли отпали от Михаила! Однако же, зная о таком поражении своего старшего сына и тяжелых потерях, князь сохранял внешнее спокойствие и милостиво со мной беседовал! О вщижской беде я проведал уже на хмельном пиру... Там один княжеский советник обмолвился. Но сам князь Михаил не сказал мне об этом ни слова, хотя знал, что я купец из Вщижа! Смотри же, какой князь Михаил справедливый и заботливый!

– А как же твои дети, Илья Всемилич?

– Мои дети молодцы! Лепко моему уже двенадцать! Он мне теперь первый помощник. Оченьмышленный отрок! Не один раз оставлял я ему дорогой товар. Так он сумел не только его уберечь, но даже самолично торговал! Да выгодно так! А Избору, младшему, только вот десятый год исполнился! Но уж смекалист он! Слава Господу, что сыновья мне на радость даны: опора да утешение! Ни крика, ни слез они не исторгли, когда узнали от меня о сожжении нашего города...злыми погаными! Только утешали меня и подбадривали во время пути: – Не горюй, тять, матушка-то наша жива! Не такова она, чтобы погибнуть от беспутных татар...Спасется матушка, мы в это верим! – Вот только их вера да утешение силушки мне придали, чтобы все товары быстро и без суеты распродать. Так сюда и приплыли. А сейчас наш кораблишко стоит у того моста, что срубили недавно вместо погоревшего... Там на пепелище остались мои отроки и верные слуги. Я спрашивал у мужиков, которые рубили избы, не знают ли они, кто из горожан уцелел. Но они только отводили в сторону свои глаза

и говорили всякое пустословие. Слава Господу, что городецкий управляющий пожаловал! Как только он меня узнал, так сразу же подал мне свою кобылу и послал сюда к тебе, в этот дремучий лес. А уж добраться сюда по протоптанной и усыпанной сосновой корой дороге было нетрудно. Скакал что есть мочи, чуть сердце не разорвалось. Благодарю тебя за правду и доброе слово о Василисе! Одна тяжесть на сердце осталась: матушка!

– Эх, Илья Всемилич, мы тоже с Аграфеной потеряли всех городских родных! Когда же ты отстоишь в православной церкви заупокойную службу да поставишь свечи за душу своей дорогой покойницы, тогда, я думаю, примет наш милосердный Господь твою сердечную молитву, и спадет тогда камень с твоей души!

– Благодарю тебя, Ермилушка! – вновь прослезился купец. – Вот видишь, как жизнь складывается. Сиднем просидел столько лет да лишь слуг своих верных с товарами посылал в далекий путь... А когда сам поехал, небывалая беда приключилась!

ГЛАВА 8

НЕТ БОЛЬШЕ ЧЕРНИГОВА

Княжич Роман ехал верхом по Торговой улице Киева в сопровождении двух десятков княжеских дружинников. Отец поручил ему осмотреть крепостные стены, башни, проверить готовность городской стражи и усиленных охранительных отрядов из городского ополчения к отражению первого нападения возможного врага до подхода основных сил.

Октябрь 1239 года был тревожным. Не оправдались надежды великого князя Михаила на счастливое избавление от кары господней – монголо-татар.

После разгрома северо-восточной Руси степные завоеватели только на небольшое время отложили поход на южные русские земли. Они наводили свои порядки в Поволжье, великой степи, громя там племена и целые государственные образования. Но уже зимой 1239 года их большие отряды появились в разных частях Руси. Это было тяжелое бедствие: русские князья разучились сражаться с многочисленным врагом зимой. Обычно военные действия проходили весной, летом, иногда осенью. А зимой воины отдыхали. Готовились к будущим сражениям, приводили в порядок воинское снаряжение. Но это – в лучшем случае. Ибо порядки Владимира Мономаха, когда князь не сходил с коня и зимой и летом, давно ушли в прошлое. На смену строгости, практичности, готовности в любой момент отразить врага, пришли лень, праздность, бесхозяйственность. Воины совершенно отвыкли от зимнего ратного труда. Даже на охоту с князьями выезжали, как на пытку!

Вот и сейчас княжеские дружинники, совершая объезд, горько сетовали на свою несчастную судьбу, вспоминая лучшие времена.

– Раньше, бывало, встанешь, примешь кружечку хмельного меда – и отдыхай себе заново! – говорил старший дружинник Ратибор своему товарищу, лучнику Мезене, медленно покачиваясь в седле за спиной Романа.

– Да, умели жить в старину русские люди! – отвечивал его собеседник. – Они были и поздоровей и повеселей, а нынче уж не то! Как встанешь поутру, так болит голова, словно с похмелья, а в глазах темно! Вот уж поясница стала подводить. Согнешься порой, да уж невмочь разогнуться! А ноги! – И они стали громко и нудно обсуждать свои старые болячки, проклиная недоброе нынешнее время.

Княжичу это надоело, и он обернулся к дружинникам.

– Что вы все ноете да так противно! – возмутился он. – Какие же вы защитники города?! Распустил вас батюшка! Я расскажу ему о вас по возвращении! Хватит лежнями лежать, пора и совесть знать! Княжеские дружинники в былые годы ночами не спали, а если имели отдых, то ложились на сырую землю! Даже сам великий князь Святослав Игоревич! А вы как же?!

Оскорбленные воины замолчали. В полной тишине отряд продолжил путь по определенному великим князем маршруту. Ездили долго, княжич все тщательно осматривал. Придирался, казалось, к мелочам. И дружинники, и стражники были очень недовольны!

– Вот уж, смотри, четырнадцать лет только стукнуло, а какой строгий! – пробурчал грузный краснолицый стрелок, охранявший с товарищами южные ворота.

– Да, далеко пойдет этот княжич! – вторил ему товарищ, вчерашний кузнец. – Жизнь нам тогда будет не очень сладкая! Загоняет!

Особенно долго распекал Роман охрану крепостной стены города со стороны леса.

– Вот где язва нашей обороны! – сделал вывод он. – Если бы я был неприятелем, непременно бы сюда ударил!

– Да что ты, молодой господин молодой! – возразил с ехидной улыбкой многоопытный Ратибор. – Да какой же олух полезет на наш город со стороны леса?! Здесь же скверный подступ и стены, пусть не самые лучшие, но вражеский натиск выдержат!

– Я тоже так считаю, – кивнул головой его приятель Мезеня. – Сколько было войн и вражеских набегов, но никто не додумался напасть на город с этого конца!

Роман покачал головой и задумался.

– Да, стену надо серьезно крепить, – подытожил он, наконец, свои мысли. – Доложу батюшке, что не все тут ладно. Вызывает тревогу и выправка охранников да ополченцев. Непригодны они для осады. Совсем не знают, как сражаться при неожиданном нападении! Надо бы учения с лучниками провести: отвратительно стреляют!

Однако князь Михаил Всеволодович не сразу принял сына: заседал на совете со своими боярами и вечевыми людьми. Прошел слух, что огромное татарское войско двинулось на черниговские земли.

– Что будем делать? – спрашивал великий князь лучших людей. – Какой дадите мне совет? Как помочь Чернигову?

– А зачем, княже? – молвил боярин Федор. – Неужели сами черниговцы не отгонят тех нечестивых? Это, чай, не Владимир и не Рязань! Не пошли же татары на Великий Новгород! Чуют силу его стен и воинства! А Чернигов, неужели хуже? Сломают зубы степные хищники об его каменные стены!

– Да и князь Мстислав Глебыч – отменный вояка! – поддакнул княжеский конюший Злотко. – Он не зря сейчас княжит в Чернигове: без нас отобьется! Не впервой ему громить врагов, пусть не татар, так половцев! Нет, не по зубам татарам славный Чернигов!

– Знаю, что мой двоюродный брат Мстислав – храбрый воин! – кивнул головой князь Михаил. – Но татары умеют сражаться! Они же в марте, поди, в одночасье, взяли Переяславль-Южный! Почитай, прямо с седла! А уж там была превеликая крепость и надежные городские стены! Дуб, аж в три ряда!

– Да это все наша беспечность, – вставил слово митрополит. – Небось, прохлопали врага и не успели подготовиться! Вот и взяли татары город с наскока! Так не получится с Черниговом! Этот город стоит на холме, да и река у его стен. До него неожиданно и хитро не подступишься!

– Незачем туда людей посылать! Сами управятся! – зашумели со всех сторон собравшиеся. – Надо, конечно, присматривать, как там дела... Если же будет заваруха, тогда и поможем...

В это время в палату быстро вбежал княжеский охранник: – Великий князь! Человек из Чернигова!

Вслед за ним вошел высокий, немолодой, измученный долгой дорогой, насквозь промокший, монах. Поясно поклонившись Михаилу Всеволодовичу и собранию, он, без всяких предисловий и приветствий, начал свою речь.

– Великий князь! Я приехал из Чернигова, но не княжеским посланником, а по своей воле! А посланцы князя Мстислава к вам не добрались. Сегодня, восемнадцатого октября, рано утром, несметные полчища врагов напали на наш славный Чернигов. Я плыл в это время по Десне на лодке. Было так холодно, и я совсем не думал, что мне придется в такую скверную погоду, под дождем и ветром, плыть до самого Киева! Сам же я черниговский, монастырский... Тут вдруг до меня донесся шум, знаете, как-будто идет лавина с высоких гор... Я прислушался: словно бы конский топот или град так бьет по воде? Но вижу только мелкий дождь на реченьке! Да и он скоро унялся. Небо посветлело... Я уже стал подплывать к городу, а тут неожиданно – громкие крики, какой-то грохот, ржание коней и мычание волов! Светопреставление да и только! Вдруг прямо на меня мчит быстроходный княжеский челн, а в нем сидят воины, числом трое.

– Куда путь держите?! – возопил я с тревогой.

– Спешим в Киев! – быстро ответил передний гребец. А в это время другой гребец ставил парус... – Татары осадили Чернигов! Силушка у них несметная! И вот князь Мстислав послал нас за подмогой! Садись сюда, в нашу лодку, поедем все вместе! – Тогда я зараз пересел. И помчалась их лодка по течению... Но вдруг на обоих берегах Десны объявились всадники! Там было так много воинов, что показалось, будто обросла вся река в одно мгновение каким-то необычным лесом, живым и перекатывавшимся! И стали кричать татары: аман, мол, вам, уруссы злосчастные! Давайте-де, к берегу! Да обратно поворачивайте! Но гребцы только шибче от этого на весла налегали. Тогда со всех сторон черной тучей полетели стрелы! Я вздохнуть не успел, как весь челн покрылся ими до самой воды, будто еж ужасными иглами! Тут упал передний княжеский гребец: в его шею вонзилась стрела! А затем и другой гребец, весь утыканный стрелами, рухнул на дно лодки, обронив весло. Ну, а третий, также униженный со всех сторон стрелами, пал на меня да ко дну прижал. Вокруг стояли такие крики и шум, что я едва не умер от страха! Так лежал я на дне челна да о смерти жестокой думал, возносясь мыслями к милосердному Господу. Уж не чаял доподлинно уцелеть! Однако ж чудо свершилось! Потихоньку стал пропадать тот страшный шум, а там уж и совсем перестал. А когда я высунулся из-под убитого: берега уже были пустынные! Я уложил тела несчастных княжеских воинов на дно, в общую кучу, а сам сел за руль... Ну, по течению, да при попутном ветре, хоть и без парусов, сбитых татарами, я добрался до вас засветло!

В княжеской светлице стояла полная тишина. Слышно было лишь, как сопел и кряхтел, вытирая слезы, нечаянный посланник.

– Так что теперь скажете? – прервал мрачное молчание великий князь. – Ну, пойдём на помощь Чернигову?

– Пойдем, княже!! – закивали головами советники. – Надо только хорошо подготовиться!

– Когда выступаем? – спросил князь Михаил. – Сколько вам надо времени, чтобы снарядить войско?

– Ну, думаю, это можно сделать за десять дней! – отвечивал боярин Федор.

– За десять дней! – вскипел князь. – Да сдурел ты чай, Федор?! Уж и камня не останется от Чернигова за это время!

– Тогда за неделю, княже! – бросил вешевой горожанин Горай. – Уж мы сумеем собрать городское ополчение!

– Три дня! – ударил кулаком по столу великий князь. – И не больше. Еще день на дорогу туда потребуется! Готовьтесь же с этого часа! Ну, а думу я распускаю!

Только после этого озабоченный и встревоженный Михаил Всеволодович, оставшись один, принял своего сына Романа. Княжич без долгих оговорок и обиняков выложил все, что узнал при осмотре боевой готовности города.

– Плохо дело, батюшка, – завершил он свой отчет. – Особенно с лесной стороны! Наш город не выдержит правильной осады!

Великий князь покачал головой и улыбнулся: – Учись, сынок, ратному делу серьезно! Я, конечно, вижу, как ты старателен к моему поручению! Но ты еще молод, чтобы учить моих воинов ратному делу! Они ведь с тобой не соглашались, не правда ли? Тебе следует знать, что Ратибор и Мезеня – славные воины, хорошо знающие ратное дело. Уж если они не пожелали укреплять стены, значит, это не нужно!

– Да какие же они воины! – перебил его разгорячившийся княжич. – То у одного пояница побаливает, то у другого – шея! Так бы и лежали себе на печке! Слушать их жалобы – одна мука!

– Ты стал непочтителен! – рассердился отец. – Прервал мои отеческие слова! Не зря ты «Домострой» недолюбливал! А ведь мог бы там доподлинно ума-разума набраться, а не

старших поучать! Я тебя посылал не людей моих ругать, но только ради порядка! Какой же тогда князь из тебя получится?!

Роман стоял раздосадованный, раскрасневшийся, опустив голову. Великий князь еще долго отчитывал его и лишь, когда устал от собственных словоизлияний, решил подвести итог: – Иди, сынок, да к рати готовься! Дня через три...мы пойдем на помощь Чернигову. Окружили поганые тот город осадой! Возьму тебя с собой в этот поход! Пора тебе становиться славным воином. Жалко только, что нет нынче в Киеве Ростислава: засиделся у венгерского короля!

Услышав это, княжич сразу забыл обидные слова отца. Вот так да! В поход! Теперь он покажет, на что способен в сражении!

На следующее утро княжеская семья в полном сборе встретилась в трапезной за большим дубовым, устланным белоснежными скатертями, столом. В молчании после непродолжительной молитвы и благословения пищи семейным священником князь и княгиня с детьми стали завтракать. Ели спокойно, не давясь, уставясь только в пищу. Князь не любил шума и разговоров в такое время. Даже на пирах он препятствовал болтовне и славословию.

Лишь только когда князь дал знак слугам уносить последние блюда и объедки со стола, что означало завершение трапезы, княгиня Агафья встала и подошла к мужу.

– Княже, – сказала она тихонько, – тут у меня состоялся один разговор с твоей дочерью Феодулией!

– Что? – спросил великий князь. – Разве сейчас это так важно?

– Важно, батюшка. Феодулия захотела уехать к сестре Марии в Ростов или Суздаль...

– Это еще зачем? – удивился Михаил Всеволодович. – Не сидится ей в нашем тереме! Да еще в такое время!

– Пойми, батюшка. Засиделась в девках Феодулия, поздно ей теперь замуж! Вот и захотелось твоей дочери уехать в суздальскую землю и послужить там Господу!

– Послужить Господу? Монахиней? Зачем это? – вздрогнул великий князь. – Она еще молода и красива! Ну, так не беда, если в девках засиделась...Еще найдем ей супруга!

– Нет, батюшка, она меня даже слушать не захотела, только одно твердит: – Поеду в святые места!

Вдруг послышались чьи-то быстрые, громкие шаги. В трапезную вбежал княжеский слуга, а за ним – грязный, промокший, дрожавший от холода незнакомец.

– Великий князь! – крикнул слуга. – Посланник из Чернигова, от князя Мстислава!

Князь Михаил вздрогнул и привстал со своей скамьи: – Ну, не томи, говори быстрее! Как там Чернигов? Держится?

– Нет уже больше Чернигова, великий князь! – сказал громким, но полным скорби голосом, беглец.

– Как?! Горе нам! – вскрикнули все в один голос.

– Еще вчера вечером...проклятые язычники проломали городские стены и ворвались в город!

– Так ведь они вчера же поутру на вас напали?... – пробормотал князь Михаил.

– Они беспощадно и упорно осаждали наш город...Целый день! Гибли язычники как мухи, но все шли и шли. Многие горожане были убиты татарскими стрелами. Они только и падали со стен! Но вот когда враги приставили к стенам пороки и сокрушили их, началась жестокая битва уже в самом городе! Наш князь Мстислав отчаянно сражался! Да не хватало силенок против татар! Лишь вечером, когда поганые захватили весь город, мы с князем и четырьмя дружинниками вышли через подземный ход к реке Десне. Да вынесли на руках небольшой челн, благо, тьма не выдала, и поплыли к Киеву...Горько было видеть...пожарище великое! Весь город пылал как один огонь! Сердце мое кровью обливалось! Ну, вот... Князь Мстислав не доплыл до Киева и сразу же, как только мы увидели Днепр, выбрался со

своими людьми на берег. Он послал меня сюда, а сам пошел добывать коней, чтобы скакать в Венгрию к великому королю...

– К венгерскому королю! – сказал с горечью князь Михаил. – Значит, нет у него веры в наш Киев! А это дело прескверное!

Прошло еще несколько дней. В Киеве царил настоящая паника. Гибель Чернигова расценивалась горожанами как прелюдия к падению Киева.

Однако время неумолимо шло вперед, усиленная стража пристально всматривалась с городских стен в даль, но врага все не было.

Постепенно жители города стали успокаиваться.

– Известно, что дорого достался поганым Чернигов! – говорили киевляне. – Сказывают, что тысячи язычников нашли там свою смерть!

Но, оказалось, радовались они преждевременно.

Как-то в самом конце октября в Киев хлынули толпы беженцев. Не в пример Чернигову, откуда прибыло только два десятка уцелевших от резни горожан. Теперь шли настоящие толпы с известием: вновь наступают жестокие монголы! Их уже видели на Трубеже, Роси, Стугне... Но вот враги подошли к Песочному городку, лежавшему на левом берегу Днепра прямо напротив Киева. Говорили, что тьма-тьмущая татар идет из степи из стана самого царя Батгя, и ведет ее великий полководец Мэнгу-хан!

Слухи эти доходили и до княжеского дворца, обрастая все новыми и новыми подробностями. Великий князь по несколько раз в день заседал со своими верными людьми и «думал думу»: как спасти стольный город Киев от разорения! Вот и сейчас в княжеском тереме кипели жаркие споры, советники князя высказывали одно мнение за другим, но Михаил Всеволодович так и не находил ответа на свои вопросы.

– А может, затеять переговоры с погаными? – неожиданно спросил старый ветеран княжеской дружины Судислав. – Хоть они и язычники, но все же смертные люди! Авось, договоримся с ними да откупимся?

– Да что ты говоришь! – возмутился боярин Федор. – Разве можно нечестивых упрашивать?

– Ну, а я, хоть человек духовный, – вмешался митрополит, – но с этими словами соглашусь! Надо бы сделать мирную попытку. Господь один для всех! Лучше плохой мир, чем славная, но кровавая война!

Княжич Роман, сидевший в собрании на равных, как взрослый, поскольку после падения Чернигова отец стал посвящать его в большую политику, смотрел с недоумением на споривших. Молодость и горячность толкали его к сторонникам военных действий. Разум звал к мирным переговорам. К тому же он хорошо помнил то, что видел и слышал при недавнем объезде города: Киев не был готов к обороне!

– Батюшка! – не выдержал он, нарушив вдруг ненадолго установившуюся тишину. – Позволь мне сказать!

– Говори, сынок, – кивнул головой князь Михаил.

– Я так думаю, что нам не следует бросать вызов этим татарам. Они очень сильны! Чтобы воевать с ними нужно много сил: не один десяток тысяч! А такое было бы возможно, если бы все русские земли заодно объединились! А до той поры надо договориться с врагами и долго выжидать! Своими силами нам с татарами не справиться!

– Молод ты еще! – начал увещевать его с раздражением отец, но вдруг замолчал. В светлицу вбежал слуга и приблизился к князю.

– Что еще такое? Говори мне на ухо! – сказал Михаил Всеволодович. Умудренный горьким опытом предыдущих пугавших собрание известий, он решил сначала выслушать все сам.

– Княже, – прошептал слуга, – только что сюда приходили вечевые горожане. Они рассказали, что в город прибыли татарские посланцы... человек, так, десять... Они там на рынке, с горожанами разговаривают. Да с ними русский толмач: он учит подлый народ, чтобы покорились татарской власти!

– Ох, уж псы, – прохрипел побагровевший от гнева князь Михаил, – добрались-таки до нас... – Он обернулся к собранию. – Вот вам новость: татарские послы уже в городе! Как же нам поступить?

Советники зашумели и вновь заспорили, перебивая друг друга.

Великий князь посмотрел на них и покачал головой.

– Ладно, тогда я сам решу, что надо делать! – сказал он и, поднявшись с кресла, вышел в коридор. Слуга последовал за ним.

– Вот так, Ждан, – прошептал князь Михаил, когда остался один на один со своим верным холопом, – иди к Ратибору и передай ему мою волю, чтобы он порешил тех поганых татар! Ну, только так все сделайте, чтобы подумали на недовольных горожан... Пусть знают все, что сам народ не захотел искать позорной дружбы с погаными! Киев еще силен, это им не Чернигов!

ГЛАВА 9 НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Купчиха Василиса ехала в запряженном двумя сытыми каурыми лошадьми возке. Было прохладно, дул сильный ветер, принося, порой, со стороны Днепра редкий, морозящий дождь.

Купец Илья позаботился о своей супруге и пристроил к возку большой деревянный тент, защищавший от мокроты и ветра. Впереди на облучке сидел извозчик Радомил, а по бокам шли пешком с каждой стороны по два, вооруженных длинными ножами и с дубинками на поясах, охранника, готовых в любой момент защитить и свою хозяйку, и ценный груз. Охранники были свои, вщижские, преданные купцу Илье люди. Они тоже потеряли всех своих родных и близких в разоренном Вщиже и теперь были как бы младшими членами большой патриархальной семьи.

Илья Всемилович был богатым, уважаемым во многих городах Руси купцом. В свое время он унаследовал от умершего во время «поветрия» отца довольно большую лавку и многочисленные склады разнообразных товаров во Вщиже. Но поскольку его отец скончался, когда Илье было всего десять лет, он сам с товарами в дальние края не ездил. Этим занимались приказчики, как оказалось, честные и деловые люди, из года в год приумножавшие богатства молодого купца. Торговали в основном пушниной. Зверя в ту пору в лесах было великое множество. За один сезон вщижские охотники сдавали в купеческую контору до трех тысяч только куньих шкурок, а белок было и не счесть! Хорошо продавались в крупных городах – Великом Новгороде, Чернигове и Киеве – и волчьи шкуры. Это был там очень ходкий товар! А волками буквально кишели леса Подесенья!

Продавали также и шкурки зайцев. Они, правда, были недороги. За одну серебряную арабскую монетку, по форме напоминавшую чешуйку большой рыбы, или куну, как ее называли, в былые времена можно было купить до 15 заячьих шкурок. Белка стоила в пять раз дороже, а куница – в пятнадцать! Хорошая волчья шкура могла быть продана в Великом Новгороде тоже по цене куны, а вот на юге был высокий спрос в основном на дешевые меха для простонародья. Правда, в последние годы, арабские монеты стали редкостью, вместо них цену куны имели либо какие-то необходимые и недорогие товары, либо меха и шкурки животных. У купца Ильи было немало серебряных монет, и он использовал их в качестве подарков слугам или для подкупа наделенных властью людей.

Одно время купеческая контора Ильи Всемиловича вывозила и сбывала на юг продовольственные товары: соленую и сушеную рыбу, икру, овощи и зерно. Но из-за того, что на Руси эти товары были достаточно распространены и цены на них не всегда располагали к выгодной торговле, постепенно от них отказались и стали заниматься только мехами.

Когда купец Илья возмужал и достиг двадцатилетнего возраста, он стал сам совершать дальние поездки на своих больших четырнадцативесельных судах и за полтора десятка лет увеличил свои богатства в четыре раза! К тому времени он уже был женат, имел двух сыновей, которые учились у него торговым навыкам и были достойными ему помощниками.

Когда монголы сожгли и разграбили Вщиж, молодой купец не был разорен. Весь товар он успел вывезти и выгодно продать. Сгорели лишь хозяйственные постройки, пустые склады и большой, немногим уступавший княжескому, терем.

Душевная боль и отчаяние были вызваны лишь смертью матери – верного друга и наставника – воспитавшей в Илье трудолюбие, практичность и неумную жажду жизни. С этой потерей он не мог смириться и каждый раз в церкви со слезами на глазах поминал свою любимую матушку.

Однако жизнь продолжалась, и надо было искать новое место для постоянного пристанища: не век ведь странствовать! Вот и решил Илья Всемилович уехать навсегда из родного края на юг в полюбившийся ему город великого князя Михаила – Киев. Здесь ему повезло. В самых удобных центральных торговых рядах киевского рынка продавалась лавка погибшего в Переяславле-Южном купца. Его вдова долго не торговалась и за пять серебряных слитков – гривен – Илья стал хозяином выгодного места. С его умением вести дела, ладить с соседними торговцами и простым людом, доходы неуклонно возрастали, и к осени 1239 года вщижанин достиг высокого положения в городе.

Теперь он уже мог позволить себе построить огромный для всей своей семьи и челяди дом и взять на службу целый штат прислуги – от домоуправа до хорошо вооруженных и обученных охранников. Всех своих вщижских слуг он поставил над вновь нанятыми киевлянами, чтобы земляки следили за их работой. А в охрану принимались только самые преданные, соотечественники, им можно было доверять все! Купец так организовал свое хозяйство, что все в нем были обязательно чем-нибудь заняты, поэтому в семье не было праздных и бестолковых. Даже свою любимую Василису он загрузил делами. С первого взгляда, нетрудными и приятными. С утра она привозила в лавку дополнительные товары со складов. После обеда отвозила домой все, что не находило долгого сбыта. Купчиха, кроме того, ездила и по всему рынку: узнавала цены на товары у других торговцев, получала сведения о приезде новых купцов, о ценах на товары в разных городах и даже о политических событиях! В ту пору рынок был источником всех новостей!

Таким образом, у Василисы была интересная и разнообразная работа. Не умея читать и писать, простая вщижская женщина вбирала в свою память все, что узнавала, и рассказывала потом мужу по вечерам, не забывая ни малейшей подробности. А уж Илья Всемилович умел выгодно использовать получаемые сведения! Так, в мае, накануне приезда в город византийского купца Деметрия, он уже знал, что греки собирались сбить дешевые, но яркие ткани, не нашедшие покупателей на берегах Дуная, по довольно скромной цене. Поэтому он, не дожидаясь, пока корабль разгрузят, в первый же день проник на его палубу и договорился об оптовой покупке всего товара. Затем, наняв грузчиков и дополнительную охрану, он перевез на свои склады ткани и стал ими выгодно торговать. К осени греческая материя была продана, и доходы превзошли все ожидания! Вщижский купец открыл для себя с помощью находчивой супруги один интересный закон: большие доходы получают не от сбыта дорогих товаров богачам, а от продажи самых употребительных, доступных каждому простому человеку! Конечно, это не значило, что Илья Всемилович не торговал и товарами для знати. У него была своя небольшая ювелирная лавка, где часто толпились не только богатые горожане, но даже иноземцы, изысканные вкусы которых тоже находили удовлетворение в торговом ряду предприимчивого купца.

Итак, купчиха Василиса везла в лавку мужа целую телегу небольших глиняных горшков, скупленных сразу после гибели Переяславля-Южного у киевских гончаров. Купчиха проведала, что эти сосуды потребуются горожанам для припрятывания своих богатств на случай осады города врагами. Пусть и не Бог весть какой доход, а все же деньги!

Правда, горшки пролежали без толку больше полугода, и только вот сегодня, как стало известно о падении Чернигова, всю их первую партию раскупили с молотка! Илья послал к жене слугу с просьбой прислать еще глиняных изделий. И вот Василиса везла ему товар на тряской телеге, боясь гнать лошадей, чтобы не разбить посуду. Охранники, сопровождавшие купчиху, радовались: не нужно было бежать. Они спокойным шагом шествовали в сторону рынка, перебрасываясь иногда между собой короткими фразами. Прислуга любила Василису. Та была доброй и щедрой женщиной. Каждый день охранники получали от нее достаточные деньги и на прокорм, и на пропой. И сегодня утром Василиса выдала каждому из них по две стеклянных бусины – хватит и на пирожок, и на кружку хмельной браги. А на

праздничные дни, каких в ту пору на Руси было немало, Василиса выдавала каждому слуге по целому стеклянному браслету, а то и по пригоршне шиферных пряслиц, чтобы достойно отпраздновать святой день! В большие же православные праздники им делал подарки сам хозяин – Илья Всемилович! Каждый слуга получал из его щедрых рук по целой куне – серебряной арабской монетке, которую многие предприимчивые подручные не тратили: берегли на черный день. И это все давалось сверх обычной платы! Словом, хорошо жилось слугам у заботливого купца!

Когда Василиса прибыла в лавку, она обратила внимание на необычное оживление. Толпы горожан бегали взад-вперед по рынку и буквально расхватывали товары. За какой-нибудь час разошлись все горшки, привезенные купчихой, опустели забитые тканями полки, исчезли даже товары для знати: золотые и серебряные украшения, сосуды, драгоценные камни.

– Что же сегодня творится? – хмурился купец Илья. Такая живость покупателей уже не радовала его, а тревожила.

– Сходи-ка, Василисушка, в дальний конец, – задумчиво сказал он, – да порасспроси-ка там людей, что такое приключилось? Неужто враги идут к нашему славному Киеву? А может, мор у Греков или в Великом Новгороде?

Василиса понимающе кивнула мужу головой и кликнула охрану.

– Да возок-то с собой прихвати! – посоветовал Илья Всемилович. – Кто знает, вдруг будет нужен! Не надо тогда обходить людские толпы. Даже праздные зеваки уступят тебе дорогу.

Василиса покорно села в возок, с которого сняли верх, и, сопровождаемая верными людьми, медленно двинулась в сторону рыночной площади. Вдоль рядов она ехать не могла, ввиду их узости, и направилась по главной дороге, тоже переполненной людьми. Вознице приходилось постоянно останавливаться, кричать на прохожих, а то и расчищать дорогу кнутом. Не однажды охранники выбегали вперед и оттащивали в стороны лежавших то тут, то там пьяниц: их в этот день было так много, что бедные телохранители просто измучились и истекли потом.

Наконец показалась рыночная площадь, и Василиса услышала какие-то непонятные, резкие звуки. Это была чужеземная речь, сопровождаемая криками на русском языке. Купчиха вздрогнула, когда звуки стали слышны отчетливее.

– Господи, да это же татарская речь! – подумала она. Страх сковал ей душу. Первой мыслью было бежать отсюда подальше, хоть на край света. Но вместо этого, Василиса прижалась ко дну возка и оцепенела.

Между тем, повозка приблизилась к источнику шума, и перед глазами испуганной женщины предстало неожиданное зрелище.

В самом центре торговой площади стояли, сгрудившись, татарские всадники. Василиса насчитала одиннадцать воинов. Все в той самой одежде, в тех же рысьих шапках, но без луков, сабель и копий. Всадники были безоружными! Купчиха, глядя на них, тряслась, как в лихорадке. Охранники, видя испуг своей хозяйки, склонились перед ней и стали ее успокаивать.

– Не бойся, матушка, – громко промолвил бывший вщижский пастух Ставр, – враги-то неопасны! Они сюда приехали, как ты видишь, матушка, не ради войны, но ради покоя. Слышишь, как их толмач говорит по-русски?

– Вонючий бродник, изменник! – буркнул другой охранник, бывший грузчик Волод. – Смотри: чешет по-русски, как по-писанному!

– Да уж не плети ты, Волька! – махнул рукой с другого конца возка охранник Милюта. – Все ты ищешь изменников! А если бы ты попал в поганский плен, как бы тогда говорил? Ну, а если есть жена и малые дети? Молчишь, так не мели тогда чушь!

– Плен, – подумала Василиса, перед ее глазами встали страшные сцены насилия в избе вщижского пасечника. – Ну, уж тогда лучше смерть!

С площади все еще доносились крики татарских всадников, и переводчик уже в который раз повторял все те же фразы. Наконец, до купчихи стал доходить смысл вражеских слов.

– Так они хотят, в самом деле, по-доброму заключить договор! Значит, тогда не будет войны! И Киев наш навеки спасется! – громко сказала она, широко раскрыв глаза.

– Известно, матушка, что войны не будет! – поддержал ее Ставр. – Договорится наш князь с татарами. Слава Господу, что поганые не хотят войны!

Вдруг раздался звон. Высокий, стройный монгол, стоявший спиной к Василисе, с силой ударил по большой металлической пластине, висевшей на шесте, который торчал из-под его седла. Воцарилось молчание, и тут тишину нарушил властный и громкий голос татарина. Переводчик вслед за ним сказал: – От имени Бату-хана, великого полководца, Гююк-хана, Мэнгу-хана, Байдар-хана, их славных темников и многих-многих воинов, покоривших весь мир, говорю вам, жители знатного города: наш повелитель посылает вам свое мудрое слово!

Переводчик замолчал и вновь заговорил знатный татарин. Василиса прислушалась и вздрогнула: да это же он! Не помня себя, она встала, спустилась с повозки на землю и пошла к группе татарских всадников.

– Куда же ты, матушка! – крикнули охранники и бросились за ней. Но купчиха не слышала ничего и никого, кроме знакомого всадника. Она обошла татар и глянула в лицо говорившего. Да, это был тот самый татарин, который тогда, во Вщиже, остановил жестоких насильников и увел их полчища из разоренного города. На нем был тот же самый коричнево-красный богатый тулуп, но на груди не поблескивала серебряная пластинка. Шапка была не рысья, а соболя, украшенная блестящими, видимо золотыми и серебряными, подвесками. Татарин замолчал, и переводчик вновь обратился к народу.

– Знайте же, урусы, что великий полководец не хочет сжигать ваш город! Неужели вы не знаете, как он разрушил и погрузил во мрак забвения тысячи ваших городов? Те города проявили свое упрямство воле нашего государя! Если же и вы будете противиться воле великого государя, то и вас постигнет жестокая участь!

– Что же вам от нас надо? – закричал вдруг кто-то из толпы. – Мы совсем не хотим кровавой войны, но вот не знаем, как с вами договориться!

Переводчик обернулся к властному татарину и что-то сказал ему на гортанном языке. Глава татарского отряда выслушал его, кивнул головой и быстро произнес несколько слов.

– Вот что вам говорит Болху-Тучигэн, великий господин, – повернулся к киевлянам толмач. – Не шибко дорого вам мир и покой обойдутся: каждый год по куне от дома!

Толпа зашумела.

– Да, по куне, по одной! Но не больше! Однако если не смиритесь и не станете данниками непобедимого полководца Бату, тогда да покарает вас Господь беспощадным мечом!

– Ишь ты, как не богато: по куне от дома! – раздался вдруг зычный, гневный окрик.

Василиса оглянулась и увидела подъезжавшего к татарам всадника. Тот был одет в платье простого киевского горожанина, но дорогой конь, посеребренные ножны меча и кинжал в богатой оправе выдавали в нем знатного человека.

– Постойте-ка, я уже видела этого молодца! – вскрикнула Василиса. – Ну-ка, ребятки, поглядите, неужели не признали?

– Да это же – княжеский дружинник, матушка! – молвил Волод. – Смотри, их тут немало собралось! Зачем же они вырядились по-простому!?

В это время заговорил главный татарин, и опять установилась тишина.

– Чего же вы сомневаетесь? – перевел толмач. – Всего куна – это не такая уж высокая плата! Князю да в городскую казну больше платите да еще церкви десятину!

– Ах, так вы хулить святую церковь!! – выкрикнули переодетые княжеские люди. – Мало вам, что осквернили и пожгли Господни храмы?! Так вы пришли теперь и кощунствовать! Бей же их, молодцы, без пощады!

Но толпа стояла неподвижно, и, казалось, не слышала призывного клича.

– Бейте же нечестивых, горожане! – закричал старший дружинник. – Да хватайте их безжалостно!

Глава татарского посольства выехал вперед и громко произнес, обращаясь к провокаторам: – Мы – посланцы великого хана! И доведем все условия до вашего князя! Вы не имеете права убивать посланников! Сам Бог не простит вам такого злодейства! А Бог один для всех!

Толмач быстро перевел его слова, и вновь стало тихо.

Но уже буквально через минуту вооруженные русские всадники с яростью набросились на маленький татарский отряд.

– Бей их! Рази гадов! – истошно заорали нападавшие.

Этот дикий, протяжный вопль «завел» толпу, которая сначала зашевелилась, заволновалась и, наконец, разъярилась. Люди закричали, засуетились. Кто выхватил дубину, кто поднял камень... Надменные татары, как подкошенные, попадали со своих лошадей. Обезумевшие люди бросились со всех сторон, каждый пытался ударить ненавистного язычника.

Глядя на это, Василиса стала выходить из состояния оцепенения.

– Молодцы! – крикнула она своим охранникам, которые плотным кольцом окружили ее, защищая от возможной опасности. – Вы видели татарина в красноватом тулупе?

– Видели, матушка! – ответствовали парни.

– Так вот, ребятушки, надо его спасти!

– Да как же, матушка? – изумился Волод. – Разве это правильно? Это же враг, лютый и безжалостный!

– Каждому – по куне за это! Или по десяти, ребятушки, если вызволите того жалкого татарина! Именно он спас меня тогда случайно во Вщиже! Быть бы мне покойницей, если бы не он!

– Ну, если так! – крикнул Ставр. – За тебя мы готовы в огонь и воду!

И охранники, забыв обо всем на свете, как угорелые, помчались к разъяренной толпе. Не прошло и минуты, как они, побитые, растерзанные и грязные, вылезли из общей кучи, таща по земле большой бесформенный красноватый тюк.

– Вот он, тут, матушка! – воскликнул с радостью Волод, вытирая пот со лба. – Это твой татарин!

– О, Господи! – пробормотала Василиса, глядя на неузнаваемый, обезображенный труп. – Что ж они сделали с этим несчастным! Давайте же, тащите убитого на воз!

Толпа в это время продолжала терзать останки ненавистных татарских послов и не обращала внимания на купчиху и ее спутников.

Тело знатного монгола удалось без помех погрузить на повозку, и телега медленно поехала в сторону купеческого дома. Василиса сидела рядом с прикрытым армяком трупом и думала горькую думу.

– Так что же теперь делать? – рассуждала она про себя. – Татары не простят такого злодеяния! Вот ведь какой несправедливый князь Михаил!

Ей стало до боли жалко знатного татарского посланца. Она вспомнила, как он внес свежую струю воздуха в ту избу, где над ней издевался насильник. Как он разогнал это злодейское сонмище. И заплакала...

Вдруг неожиданно из-под армяка раздался хриплый, протяжный стон. Василиса вздрогнула и приподняла закрывавшую голову трупа ткань. На нее с любопытством смот-

рели живые темно-карие глаза. Никаких признаков страдания не было видно на разбитом в кровь лице отважного татарина, но только презрительная улыбка.

– Жив! – вскрикнула купчиха и перекрестилась. – Ну, слава Господу! Значит, такова уж его судьба!

ГЛАВА 10

СЛОВО ОТЦА ИГНАТИЯ

Лесник Ермила ехал на вщижское пепелище по делу. Он хотел договориться с городецкими мужиками о новых вырубках в лесу. Ефим Добрыневич прислал из Брянска людей с сообщением о том, что он собирается расширять княжескую укрепленную усадьбу, чтобы превратить ее в настоящую боевую крепость.

Несмотря на наличие густого и годного для строительства леса в окрестностях самого Брянска, местный управляющий не хотел уничтожать защитную полосу усадьбы. Он знал, что во время первого нашествия на Русь монголы избегали нападений на окруженные лесами поселения, и те счастливо уцелели. Поэтому опытный воин и хороший хозяин решил добывать лес в пятидесяти верстах от вверенной ему усадьбы. Стволы деревьев можно было без труда сплавить вниз по Десне и использовать на стройку.

Ермила уже больше года прожил с семьей в своем лесном домике. Постепенно затягивались душевные раны, жизнь входила в обычную колею, только вот дети больше не спрашивали по вечерам отца, когда же они снова наведаются в гости к своим дедушкам и бабушкам. Малыши как-то сразу повзрослели и посерьезнели и, хотя родители старались избегать с ними разговоров о случившемся несчастье, все же дети поняли и осознали по-своему, по детски, весь ужас вщижской трагедии. В ту пору было не принято много говаривать и, тем более, задавать назойливые вопросы взрослым: малыши довольствовались тем, что случайно слышали и видели...

Ермила довольно быстро преодолел на своем откормленном коренастом жеребце лесную полосу, проскакал вдоль озера Бечино и приблизился к берегам Десны.

Первые дни декабря 1239 года были снежными и морозными. Лишь только небольшая санная колея, тянувшаяся со стороны Городца по замерзшему руслу совершенно засыпанной снегом реки, свидетельствовала об обитаемости поселения.

Лесник выехал на лед с удобной стороны и осмотрелся. Справа невдалеке виднелся небольшой свайный мост, построенный прошлой весной для доставки бревен. А от него шагов за триста в сторону Городца тянулись как бы впившиеся в берега, почерневшие и полузасыпанные песком, обломки уничтоженных монголами вщижских судов. Их было так много, что мужики, начавшие собирать обгоревшие корабельные доски сразу же после погребения тел несчастных жертв набега, скоро устали и отказались от этого. Да и распоряжений по очищению берегов от мусора никто из управляющих не давал. Без того было много дел, и люди понадеялись, что со временем течение реки само уберет жалкие остатки речного флота.

Ермила подъехал к огромному, наполовину обгоревшему, но все еще величественному, выдолбленному из одного тысячелетнего дубового ствола, челну, возвышавшемуся над всей кучей корабельного праха. Этот замечательный корабль принадлежал самому князю Олегу Вщижскому! Не раз выходил на нем властный вщижанин в походы по водным просторам Десны. За версту был виден огромный красный парус с изображением лучистого солнца... И вот теперь, пробитый татарскими топорами, почерневший от копоти, торчал этот челн, обреченный на погребение в тине и песке, из замерзшей береговой грязи, являя собой грустное и жалкое зрелище.

– Господи, прости же грехи несчастного князя Олега! – пробормотал Ермила и натянул узду. – Царствие ему небесное!

Жеребец вздрогнул и быстро поскакал через реку в сторону нового поселения, наскоро отстроенного на пепелище.

Когда лесник подъехал к избе нынешнего вщижского старосты Вершилы, того самого городецкого мужика, с которым он встретился еще в марте 1238 года на деснинском льду во время бегства с семьей от татарского погрома, его, как оказалось, с нетерпением ждали.

В большой светлой комнате за столом, уставленным снедью, сидели, попивая хмельную брагу, Вершила и два неместных мужика.

– О, Ермила Милешич! – крикнул один из них, увидев лесника. – А мы только что о тебе говорили! Это хорошо, что ты тут объявился!

Ермила без труда узнал княжеских вояк, охранявших в прошлом году брянскую усадьбу.

– А что тут приключилось? Зачем вы пожаловали? Неужто по мою душу? – встревожился лесник. – Неужели опять беда пришла?!

– Садись, Милешич! – улыбнулся самый молодой из воинов, лучник Крайко. – Откушай-ка с нами бражки, а там и поговорим!

– Вот это дело! – поддакнул его старший товарищ, копейщик Путило. – Испей-ка с дорожки, а там все обсудим. Слава Господу, что ничего прескверного не случилось!

Ермила сел за стол, и молодая хозяйка сразу же поднесла ему полную чашу...

– Тут, Ермила Милешич, есть до тебя такое дело, – начал Путило после приема еще двух чаш. – Захотел наш Ефим Добрынич, чтобы ты сегодня же с семьей приехал в Брянск. Премного дел у нас там накопилось!

– А как же тогда лес и сторожка? – пробормотал лесник, но Крайко перебил его: – Некогда тут, Милешич, думать! Тяжкие времена для земли нашей наступили. Теперь, после разгрома Чернигова, подходит черед Киева! Князь Михаил уже давно присылал гонца: готовить ополчение для защиты Киева! Но это не для тебя! Это для нас, знатных воинов! – Он ударил себя кулаком в грудь и с гордостью посмотрел на собеседников. – Мы еще раньше послали в Киев один отряд. Теперь нужно много воинов! Уж найдем выход! Однако же нам потребны и стражники для княжеского имения!

– Но я же только лесник... – пробормотал Ермила.

– Но мужик ты крепкий! – хлопнул его по плечу староста Вершила. – Разве не сумеешь оборонить крепость?

– А как же супруга и дети? – вздохнул лесник.

– Да в Брянске будете все вместе жить. Хватит там углов и харчей. Вот поезжай туда и увидишь, каким стал Брянск за этот год! Велики перемены! Теперь это могучий город! – ответил Путило. – Добрая половина Чернигова туда перебежала!

– А за сторожку свою не горюй! – добавил Крайко. – Мы вот тут с Вершилой Силычем посоветовались... Он скоро найдет лесника... А там уж все образуется... Вот одолеем поганых, и тогда ты вернешься восвояси, если тебе так мил этот лес...

На следующее утро Ермила, собрав свои пожитки, отправился с семьей на выдавшем виды возке по хорошо известному маршруту в Брянск. Всю дорогу он, недовольный, ворчал о несвоевременной поездке, о суровой зиме, о требовательности брянского управляющего и даже о проклятых татарах!

Аграфена покорно молчала и тихо ждала, когда успокоится муж.

– Смирись, Ермилушка, – сказала она, когда лесник перевел дух и затих. – На то они власть, чтобы жизнями простых людей ведать! Ты же слышал, что будешь сидеть тут в Брянске и охранять княжескую усадьбу. А это не так уж плохо. Да все мы тут с тобой рядышком! Подружилась я с Варварой Деяновной. Веселее нам тут будет!

Дети слушали разговор родителей и молчали. Они были по-своему рады отъезду из лесной сторожки. Брянск мыслился ими как интересное, многолюдное место. Да и сверстники там для них были! У многих воинов имелись семьи. Кроме того, они еще в прошлом

году познакомились с детьми Ефима Добрыневича. Вот уж наигрались! Что им теперь дремучий лес!

Брянский управляющий встретил гостей с распростертыми объятиями: Ермила, практичный и трудолюбивый, хороший собеседник, полюбился ему с первой встречи. Во время застолья Ефим Добрыневич рассказал леснику об известных ему событиях в Киеве. Оказывается, великий князь Михаил покинул стольный город со всем семейством: уехал в Венгрию к тамошнему королю за помощью.

– Великий князь не надеется на свои силы в деле обороны нашей древней столицы! – подытожил он свой рассказ и уныло покачал головой. – Но мне не верится, что венгры окажут нам помощь! Когда беда на Руси случается, иноземцы идут с огнем и мечом по нашей земле, чтобы то, что другие еще не взяли, прихватить! Нужно надеяться только на свою силу!

– Кто знает, что надо? – возразил Ермила. – Князь-то есть князь... Он больше нас знает, что для нашей земли надо! Может так и должно быть?!

– Прескверное дело! – поморщился Ефим Добрыневич. – Если он увез свою семью, значит, не скоро мы увидим своего князя! Один мой славный соратник, княжеский посланник, поведал, что даже его старшая дочь Феодулия, недовольная отцовским отъездом, ушла из княжеской семьи и одна подалась в суздальскую землю, в какой-то монастырь!

– Вот как! – кивнул головой лесник. – Значит, беда грозит Киеву!

– Да они еще послов татарских перебили! – бросил управляющий. – Правда, поговаривают, что сами киевляне это сделали... Но я-то знаю всю правду! Ох, уж горяч и нетерпим наш пресветлый князь!

– А что, Ефим Добрынич, – переменял тему разговора Ермила, – ты хочешь, как я вижу, превратить эту усадьбу в большой город? Я тут подъезжал к имению и видел множество землянок и шалашей... Далеко окрест работный люд суетится!

– Так и есть, Ермилушка, – улыбнулся княжеский управитель. – Сюда, в лесной край, бегут со всех концов русской земли. Из одного только Чернигова почти семьсот человек приехали! А что я могу? Вот помог им срубить временки. Да ведь холодно теперь! Однако верю: сумеют русские люди пережить это тяжелое время... Послал я также сотню человек в городки и села по реке Десне. А по весне надо еще избы вокруг княжеской усадьбы рубить. Тогда и крепость расширим. Княжеский гонец мне говорил, что сам великий князь сюда пожалует! Не век же ему на чужбине скитаться! И возродится древний Брянск, руины которого в прахе лежат в трех верстах отсюда, вверх по Десне.

В это время хлопнула дверь, и в трапезную вошел местный священник, настоятель Покровской церкви отец Игнатий.

– Доброго здоровья и благословение Господне на вашу трапезу! – громко сказал он, перекрестившись на иконы.

– Будь здоров и ты, святой отец! – ответили, вставая, Ермила и Ефим Добрыневич с женами. Поп перекрестил их и присел к столу на свободную скамью.

– Вкусите, отец, – засуетилась хозяйка Варвара. – Вот дичина жареная, и тут же – брусничка! Примите же меда чарочку на доброе здоровье!

– Благодарю, хозяйюшка, – промолвил густым приятным басом отец Игнатий. – Приму с превеликим удовольствием! – Он опрокинул чарку меда и причмокнул губами. – А напиток этот весьма крепок! Вижу отменную хозяйку!

Варвара порозовела от удовольствия.

– Ну, так о чем вы нынче говорите? – спросил священник, прожевав кусок кабаньей ветчины. – Видно, о нашей русской земле и неожиданных бедах?

– Уж так, отец, – промолвил Ефим Добрыневич. – Заодно мы обсудили дело возрождения древнего Брянска! Хочу, чтобы здесь был большой город. . . Разве мы зря назвали так нашу усадьбу – «Брянск»? Это значит, что наш город грозный и бранный!

– Неужели ты захотел возродить тот город, который стоял на Чашином кургане? – улыбнулся отец Игнатий. – Это – доброе дело! Пусть же будет славный город с таким именем! А знаете ли вы, какая судьба постигла этот город в давние времена?

– Расскажи нам, святой отец! – попросила хозяйка. – Ты ведь человек превеликой учености! Читал древние книжицы! Мы все тут темные люди и едва знаем грамоту! Ходят разные слухи о том Чашином кургане! Говорят, что не прошло еще и ста лет от тех дел!

– Ладно, расскажу, – кивнул головой священник. – Дело это нехлопотное.

И, пригубив еще чарку крепкого меда, он начал свое повествование.

– Еще при великом киевском князе Владимире Красное Солнышко, в год святого Крещения Руси, началось обширное строительство крепостей. Великий князь решил создать мощную засечную полосу по всем рекам, чтобы защитить свою землю от степных хищников. Они всегда досаждали русской земле. От них никогда не было покоя! И вот княжеские люди начали рубить малые крепости. . . А одна из них была воздвигнута на месте старого вятичского поселения как раз напротив того места, где речка Болва впадает в Десну. Ты прав, – кивнул он головой Ефиму. – Слово «Брянск» тогда понималось как «грозный», «бранный»! Тогда думали, что городская крепость будет твердым орехом для врагов! Сам славный княжеский воевода Волчий Хвост воздвиг там большой терем! Это и есть та «чаша», давшая имя кургану. Многие славные киевские воеводы там побывали. Они взимали дань с местных язычников для своего славного князя! Все леса в ту пору были переполнены язычниками! Бывало, что язычники прибежали к православному кресту! Была здесь и церковь, пусть деревянная, но достаточно большая, чтобы вмещать всех верующих во Христа! Как вы знаете, я воздвиг там, года два тому назад, на месте старой церкви часовенку! Землица-то эта священна! Ну, вот, русские люди, прибежавшие со всех концов нашей земли, начали собираться вокруг той крепости или терема. Кого там только не было! Даже воры и разбойники объявились! Здесь осели и славные умельцы, гончары и плотники, бежавшие тогда от своих жестоких правителей!

Знаете ли вы, какие страшные усобицы приключились после смерти Владимира Святого?! Из рук в руки переходили тогда многие города и крепости! А Брянск занимали то северские, то черниговские князья. . .

Так уж случилось, что этот город перешел под власть новгород-северского князя Святослава Олеговича, брата князя Всеволода, прадеда нашего князя Михаила. Ну, а когда началась война Святослава с самим великим князем Изяславом Мстиславичем Киевским, Святослав прятался в здешних городках от своих врагов. Сначала Святослав Олегович ушел в Карачев, город еще более древний, чем Брянск, и нещадно его опустошил! Затем он, гонимый врагами, засел в Брянске. Но и там ему не дали покоя. За ним по пятам шли черниговские князья, объявившие Подесенье своей землей. Да и сами брянцы не захотели, чтобы их городу угрожала осада. Они возмутились и потребовали, чтобы князь Святослав немедленно покинул Брянск. Олегович страшно обиделся за это и ушел к своему другу – князю Юрию Владимирычу, по прозвищу «Долгорукий». Вот соединили они все свои силы и пошли на черниговские земли. Зная о движении разгневанного Святослава Олеговича, брянцы бежали из города на место древнего языческого капища, какое называлось «Бежичами». Здесь под сенью дубовой рощи несчастные прятались. Князь Святослав узнал об этом, но преследовать беглецов не решился: побоялся гнева языческих богов! А Брянск, покинутый жителями, подвергся суровой каре: разгневанный князь Святослав сжег опустевший город!

Лишь серый пепел и обуглившиеся бревна остались от старого Брянска! А брянцы не захотели здесь больше жить и забросили это несчастное место. Одни ушли по Десне во Вщиж, другие подались до Карачева, а кое-кто сгинул, где неведомо... Вот как это было!

Священник замолчал и склонил в раздумье свою седую голову.

– Святой отец, – нарушил вдруг тишину Ермила, – вот ты говорил, что Карачев древней нашего Брянска! Поведай нам о том недалеком городе! Там сестра моя живет, замужем за хорошим кузнецом! Как-то я побывал в том Карачеве. Город тот известен своими дубовыми стенами. Да дремучими лесами отменно прикрыт! А вот прозвище его неведомое...

– Да, сын мой, – встрепенулся отец Игнатий, – его название очень темное! Оно идет от древних хазаров, покоривших эти земли пять сотен лет тому назад! Ну, а если вы хотите об этом знать, скажу, что хазары тогда силой покорили славян, наших предков, и наложили на них дань, которую и платили древние вятичи в хазарскую казну каждый год!

– Да ну! – удивилась Аграфена. – Неужели хазары здесь властвовали?

– Это так, дочь моя, – кивнул головой священник. – Они брали дань мехами! Летописи рассказывают, что вятичи платили по куне от каждой семьи, но вот наш славный князь Святослав Игоревич Киевский положил этому конец. Он разбил тех врагов и рассеял их по всему свету! Он даже память о них уничтожил, когда занял и сравнял с землей хазарскую столицу Саркел!

– А как же понимать слово «карачев», святой отец? – не выдержала любопытная Варвара.

– А вот как. Слово «корачи» понималось у хазар, как важный, назначенный их каганом человек! Их хазарский наместник сидел в древнем вятичском селении и собирал со всех окрестных славян дань. Он также судил, приказывал, казнил или миловал. Это была власть! Отсюда и слово «корачев» – как бы место того корачи. Понимаете?

– Понимаю, святой отец! – воскликнула Аграфена. – Какой же ты ученый человек!

Отец Игнатий засмеялся.

– Ученый? Что такое ученость, дочь моя? – сказал он. – Наши нынешние ученые не могут читать старинные книги и летописи! Однако же они в почете и уважении! Князья же не признают настоящих книжников! Знаете ли вы, как я тут, в этой глуши, оказался? Я был важным духовным лицом у нашего князя Михаила Всеволодыча! Он назначил меня наставником к своему старшему сыну Ростиславу. А сюда меня прислал черниговский епископ Порфирий для того, чтобы, якобы нести язычникам Божье слово. Но дикие славяне не покорились и бежали в глухие места. На самом же деле, владыка от меня просто избавился! Когда великий князь нуждался в совете или родословных сведениях, он всегда посылал за мной! Вот потому и обиделся на меня епископ! Да простит ему Господь! Не знаю, что татары с ним сделали после взятия Чернигова! Жив ли этот несчастный? Однако известно, что ни жаркий огонь таких не берет, ни холодная вода их не топит!

– Святой отец, – перебила вдруг священника нетерпеливая хозяйка, – ты сказал, что есть такие ученые, которые не умеют читать старинные книги! За что же их называют учеными? Откуда же они набрались ума?

– Так уж получилось, – кивнул головой отец Игнатий, – что нынешние грамотеи умеют читать только иноземные книги! Например, греческие. А вот русские летописи они так небрежно читают, что даже смысла не понимают! Вот они и назвали наш древний Брянск непристойным «Дебрянском»! Получается, что наши предки повели название города от ругательного слова «дебря»! Это глупость да и только!

– Благодарю тебя, отец, за твои мудрые слова! Велика твоя ученость! – громко сказал Ефим Добрыневич и встал. – Выпьем-ка за тебя, святой отец, чтобы твои ученость и мудрость принесли нашему городу пользу и благополучие!

ГЛАВА 11 ПЛЕННИКИ В КАМЕНЦЕ

Княжич Роман в сопровождении знатных людей своего отца совершал объезд укреплений Каменца. После того осмотра киевских стен, когда великий князь Михаил пожурил сына, он, как ни странно, стал все больше доверять юному Роману. Строгость к дружинникам и охране, требовательность к соблюдению распоряжений великого князя, которые проявлял Роман, вызывали уважение и со стороны бояр. Вот почему теперь в отсутствие отца княжич принимался как старший, и, несмотря на видимую опеку наставника-грека, приближенных великого князя и священников, он был свободен в своих воинских делах: часть княжеских дружинников оставалась в Каменце в его подчинении. Сам великий князь уехал в Венгрию к королю Беле и своему сыну Ростиславу, который добивался руки дочери венгерского монарха, за помощью для отражения татарского нашествия.

Каменец – хорошо укрепленный город на самой окраине Киевской земли – был подготовлен князем Михаилом Всеволодовичем сразу же по занятии им Киева, как место, где можно было «отсидеться» при возникшей опасности. Город не зря назывался «Каменцем». Опоясанный мощными белокаменными стенами, стоявший на высоком холме, он, казалось, был совершенно неприступен. Поэтому великий князь Михаил и оставил здесь свою семью – княгиню Агафью с четырьмя сыновьями. Отряд из сотни отборных княжеских дружинников вместе с довольно многочисленным городским гарнизоном представляли собой значительную силу для обороны города при междоусобицах. Но вот смогли бы они защитить город и княжескую семью от нападения татар? Княжич Роман в этом очень сомневался. Ему удалось в свое время послушать рассказы спасшихся от черниговской бойни беглецов, сражавшихся с монголами, и он мысленно представлял себе, как степные завоеватели штурмуют крепостные стены.

– Вряд ли Каменец остановит такую лавину, – с грустью думал он. – А это верный знак: быть нам легкой добычей, если враги возьмут великий Киев!

Объезжая крепость и городские стены, он все больше убеждался в этом.

У городских ворот Роман со своей свитой остановился. К нему поспешно подбежал начальник городской стражи.

– Молодой господин! – громко сказал он. – Твои верные воины стоят на страже города!

Княжич посмотрел на воина. Невысокий, но крепкий, коренастый. Одет в простой домотканый кафтан с большим, несоразмерным по виду, железным шлемом-шишаком на голове. Борода всклокочена. Лицо красное, морщинистое. Похоже, что главный страж пьян.

– В чем же есть твоя служба? – спросил возмущенный Роман. – Ворота совсем настезь распахнуты! Не видно других стражников... Где же они?

– Ну, как бы тут сказать..., – замялся вояка. – Помянули мы тут... праздник, как бы сказать... святого... там Марка!

– Какого еще святого Марка? – удивился княжич. – Что-то не слышал я о таком святом дне!

– Есть, есть, господин, – кивнул головой стоявший по левую руку от Романа боярин Лучезар. – Такой день мы знаем!

– Тогда почему же наш отец Алексей ничего об этом не говорил? Батюшка пока не забывал ни одного святого дня! Каждое утро говорил! Неужели запамятовал?

Свита безмолвствовала.

– Ладно, пойдем тогда к башне да посмотрим на службу наших городских воинов! – молвил княжич и стал слезать с лошади.

– Ох, великий князь! – вскричал испуганный начальник охраны. – Не надо тебе туда идти! Грязно там и сыро: замараешь свои благородные ноги!

Но Роман уже направился к комнатке охраны. Вслед за ним пошли, спешившись, черниговские бояре. Когда княжич со свитой вошел в полутемное, сыроватое помещение башни, им в ноздри ударил неприятный запах сырости, плесени и немых тел.

Спустившись по ступеням в маленькую комнату, высокие посетители увидели большой прямоугольный, залитый чем-то желтым, стол. На нем стояла мерцавшая свеча, а по углам лежали, казалось, бездыханно, городские стражники.

– О, Господи?! – вскрикнул княжич. – Неужели умерли?!

Никто ему не ответил. Бояре в страхе переглянулись.

Вдруг со стороны земляного пола донеслись шорохи и легкий шум ползущего тела.

– Эх, как-вот плыли мы по Днепру-реке! – противно прогнусавил кто-то.

Из-под стола вылез здоровенный чумазый мужик. Видя знатных людей, он, казалось, испугался, попытался встать на ноги, но не смог!

Вопль пьяницы оживил лежавшие по углам мнимые трупы. Пьяные охранники зашевелились и начали приподниматься. Ближайший из них, лежавший у входа, схватился за скамью и стал подтягиваться на руках, но у него ничего не получилось: скамья оторвалась от стены, рухнула и придавила воина.

– Ох, грехи наши тяжкие! – вскричал охранник. – Что же такое происходит? Неужели враги город наш полонили?!

– Пусть идут они к бесу назойливому! – грубо выругался другой очнувшийся воин. – Пей да гуляй, пока ты жив! Нам и так тут всем концы настанут, если татары поганые придут!

И он, подняв голову с невидящими глазами, заорал: – Шла девица, девка красная!!!

Княжич, потрясенный увиденным, молча стоял и прижимал к груди руки. Он, казалось, лишился дара речи. Бояре подбежали к нему, окружили.

– Пойдем отсюда, Роман Михалыч, – умоляющим голосом произнес боярин Годин. – На воздухе решим, как дальше быть! Тут какое-то недоразумение! Это – не охранники! Видать, смерды пьяные в башню сторожевую залезли!

Роман, покачав головой, повернулся к выходу и медленно поднялся по ступенькам вверх. Выйдя наружу, он приблизился к старшему охраннику и пристально заглянул ему в глаза.

– Вот как вы город и семью князя великого храните! – громко сказал княжич и обернулся к воинам. – Взять за приставы весь этот сброд! Да в темницу их сразу же! А там уж покараю их суровым княжеским судом! А башню эту пока сами посторожите! Замените без промедления всю стражу!

И он вскочил на коня. Процессия двинулась дальше, к следующей крепостной башне.

В общем, обход не порадовал ни княжича, ни бояр. Из шестидесяти стражников, которых они встретили при этом, только пятеро смогли сказать что-нибудь вразумительное. Остальные были или дурачки или мертвецки пьяные.

Разгневанный Роман вернулся в свой терем и собрал общий совет. На думу пригласили и городскую знать. Но и здесь, к великому огорчению княжича, ему не удалось добиться единодушной поддержки.

– Оно, конечно, твоя правда, молодой господин, – сказал ему отец Алексей. – Прескверно бражничать, да еще на страже! Однако же, с другой стороны, если воины почитают память святых...

– Каких святых? – перебил его Роман. – Ты, отец, сегодня поутру ничего об этом празднике не говорил? Нет сегодня такого святого дня!

– Ну, значит, вчера! – буркнул священник. – Они еще со вчерашнего дня хмельны!

– Неужели ты выгораживаешь этих пьяниц? – возмутился княжич. – Разве есть у стражников право бражничать? А вдруг придут враги и на город наш злосчастный обрушатся?

– Конечно, всегда нужно воздерживаться от пьянства, – отвечивал поп. – А потому, нужно строго пожурить проказников за такие дела! Чтобы больше не делали такого! Но вот судить их, я думаю, не надо!

– Да и как судить таких молодцев? – вторил ему торговый человек Акинф. – Старший у этих стражей – ...Боровин, сын богатого купца Важина Истомича!

– Уж не горячись, молодой господин! – поддакнул черниговский боярин Лучезар. – Оставь нам, боярам, это дело на думу и правез. Мы сами обсудим это и накажем бестолковых бражников!

– Ну, уж этому не бывать! – вскипел Роман. – Я не оставлю случившегося без внимания! Вот так сдали Переяславль-Южный, Чернигов и суздальские города! Я видел и прекверную киевскую стражу... Но такого как здесь безобразия я и представить себе не мог! Головы за такое нужно рубить! Уж до зимы дожили, не ровен час, придут татары, а наши воины неспособны сражаться!

Он все больше приходил в гнев, чувствуя не только свою правоту, но и свое бессилие. Стоявшие рядом бояре вовсе не собирались помогать ему в наведении порядка! Их больше беспокоило, как бы ни поссориться с городской верхушкой и с каким-то там Важином Истомичем!

Потеряв терпение и обругав всех выступавших защитников, сдержавшись только по отношению к отцу Алексею, княжич распустил собрание и удалился в свою светлицу, где сел за стол и в отчаянии обхватил руками голову...

Когда княгиня Агафья вошла в покои княжича, он все еще сидел в глубокой задумчивости.

– Сынок, – погладила его по белокурой голове мать, – не печалься! В жизни случается и не такое! Твой батюшка немало пережил всяких бед и горестей!

– Батюшка! – пробормотал Роман и нахмурился. – Там, в Киеве, он нещадно распекал меня за мое желание навести порядок! Да сам такую беду натворил! Его дружинники – одни пьяницы! Нет у них старания к ратному делу! Только что живы пока! Разве это правильно? Зачем казнили татарским послов? В чем же теперь спасение Киева? Сам Господь против тех, кто нарушил Его заповеди!

– Что ты, сынок! – испугалась княгиня. – Зачем ты судишь родного отца? Да еще великого князя!

– Можно, если он неправ! Вспомни хотя бы моего дядюшку и твоего брата, галицкого князя Даниила! Как-то ты мне рассказывала, что он добр и умен! Зачем же батюшка ему козни всякие непрестанно строит? Да еще в такое время! Не пора ли бы примириться да всем вместе сразиться с татарами?

– Да, дитя мое, здесь наш батюшка неправ! Князь Даниил и умом велик и силой славен! Те князья, какие в дружбе с Даниилом, переживут нынешнее лихолетье! Что теперь поделать, если наш батюшка, великий князь, так горяч? Не вправе мы с тобой его судить! Надо нам быть послушными его воле!

– Однако я не согласен с такими словами, матушка! Когда батюшка вернется, я выскажу ему всю правду об его делах! Пускай тогда казнит или милует! Надоело это безвластие! Затягивает оно землю нашу, как топь или болотная жижа!

– Успокойся, дитя мое любимое! Впереди у тебя еще длинная жизнь! Надо иметь терпенье: без этого не станешь правителем!

Наутро княжич Роман устроил в совещательной комнате показательный суд над вчерашними пьяницами. Сам он сидел в большом, княжеском кресле, на которое взошел по ступенькам. Перед ним на полу слуги расстелили огромный ярко-красный ковер. По бокам,

с обеих сторон, на лавках сидели бояре, знатные горожане, священники. Женщин в зале не было: дело считалось слишком серьезным.

Вот раздались шаги княжеских слуг, которые быстро ввели в залу всех семерых вчерашних нарушителей. Те уже хорошо проспались, были приведены в порядок: вымыты и опрятно одеты.

Не успели они приблизиться к ковру, как главный стражник Боровин, громко простонав, бросился на колени перед сидевшим в кресле княжичем Романом. Все остальные виновники последовали его примеру.

– О, мудрейший из мудрых! О, самый великий среди самых великих! – заплакал Боровин. – Хоть ты и молод, но уже превзошел умом самого царя Соломона!

– Зачем это славословие? – резко бросил княжич. – Не для этого мы сегодня здесь собрались! Рассказывай, как так позорно получилось на вашей службе?

– Князь-батюшка... – простонал главный стражник. – Попутал меня бес, дурачка глумного! Да принесли нам бражки хмельной да винца грецкого к святому празднику... Ну, не устояли мы перед соблазном! Ох, уж горе горькое!

– Как же давно вы храните городские ворота? – спросил Роман.

– Да уж лет, пожалуй, с десятков, мой господин... Ни разу не было беды! Только вчера так неладно получилось...

– Только вчера? – улыбнулся княжич. – Да все видно по вашим пухлым рожам, бражники вы закоренелые! Поспились как грязные свиньи! Опозорили городскую стражу! За такие дела есть только одно искупление – смерть!

– Помилуй, премудрый князь!!! – завопили во весь голос напуганные стражники. – Не лишай нас жизни! Позволь нам исправиться!

– Ну, ладно. Коли вы прозвали меня со всей лестью Соломоном, тогда будет вам справедливый суд! – усмехнулся Роман. – Жизни я вас не лишу, не сомневайтесь. Пока город еще не в осаде... Да врагов еще не видно... Но стражниками городских ворот вам уже не быть! Сделаем вам замену из непьющих людей... А по тому делу, что вы вчера натворили... Эй, слуги! – он хлопнул в ладоши. В залу вбежали вооруженные дружинники. – Посадите-ка этих злосчастных негодяев в городскую темницу... дней, так, на десять! Да кормить их только хлебом и водой! После же – вон из стражи! Дурачкам и бражникам нет места среди воинства!

В полной тишине расходились по своим домам свидетели столь сурового, но справедливого суда.

– Да, крутешенек наш молодой князь! – пробурчал богатый купец Могута своему товарищу, торговцу Давило. – Даже самого Важина Истомича обидел! Нипочем не уговоришь этого князя!

– Ох-хо-хо! – кивал головой Давило. – Конец придет нашему покою, когда этот княжич заменит своего батюшку!

– Скорее бес скончается, если заменит! – громко сказал подошедший к ним, багровый, как кумач, Важин Истомич. – Не таких мы видели! Ишь, молод да удал! Скоро узнаем, что будет дальше!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.